

Юлия Тулянская
Наталья Михайлова
Ветер забытых дорог
Серия «Обитаемый мир», книга 3

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176875
Ветер забытых дорог: АСТ, АСТ Москва; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-055482-9, 978-5-9713-9676-5*

Аннотация

В Обитаемом мире верят: в начале времен князь небожитель Ависма восстал против Вседержителя и был заточен в Подземелье. Так верят. Но далеко на Севере, в портовом городе Анвардене, потерявший память молодой бродяга Дайк видит странные сны. Сны о небожителях Ависмы, оставшихся на земле и основавших таинственное царство Сатру.

Бред сумасшедшего?

Так считают все, знающие Дайка, даже влюбленная в него лекарка Гвендис.

Но однажды, следуя за своими видениями, бродяга уходит в далекое странствие – и возвращается с драгоценным камнем невыносимой красоты, некогда зарытым в землю царевичем Сатры.

Кто же он?

И кто дал ему дар видеть незримое, помнить о том, чего не знают, не могут знать люди Обитаемого мира?

Гвендис понимает – пробудить истинное «Я» Дайка поможет лишь ее целительское искусство...

Содержание

Часть I	4
Часть II	38
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Наталья Михайлова, Юлия Тулянская

Ветер забытых дорог

Часть I

Сны Дайка, портового бродяги, сводили его с ума. Он видел незнакомцев, которых мог назвать по именам, и неведомые края, о местоположении которых догадывался. Сны были похожи на воспоминания. И это больше всего мучило Дайка: ведь наяву воспоминаний у него не было совсем.

Дайк знал о себе только то, что почти три года назад в море около побережья Анвардена его, закованного в ржавые кандалы, подобрал рыбацкий баркас. Он не утонул, потому что цепь прочно обмоталась вокруг обломка мачты. Одет Дайк был только в штаны и заношенную рубашку, поэтому по одежде о нем ничего нельзя было толком сказать. В онемевшие ладони вьелась смола: бывший матрос? В цепях – может, и раб. Рыбаки осмотрели тело, но клейма не нашли.

Трое друзей из прибрежной деревни вместе держали один баркас. Они посоветовались, что делать с полумертвым оборванцем. Выбросить снова за борт – об этом не шло и речи: не в обычае рыбацкого братства, каждый из которого может оказаться без помощи в море, дать утонуть еще живому человеку. Решили метать жребий: кому выпадет – тот возьмет спасенного в дом, а остальные поделят между собой расходы на лечение.

Рыбак, которому выпало взять бродягу к себе, спокойно кивнул. Самым вероятным исходом ему казалось, что беднягу и до берега не довезут живым. Он и так был как мертвый, тело холодное, точно уже без жизни, и вот-вот оборвется последнее дыхание. Тогда останется только его похоронить, как условились – вскладчину, и вовсе незачем брать на душу никакого злодейства.

Однако спасенный дотянул до берега, не умер ни на следующий день, ни через два. Хозяйка хижины, где лежал больной, безропотно присматривала за ним: она была женой и матерью рыбака и сочувствовала человеку, который спасся из морской бездны. Сознание не возвращалось к чужаку почти месяц. Наконец он начал ненадолго приходить в себя, но не был в ясном рассудке и не мог даже назвать свое имя.

Теперь рыбаки по-настоящему встревожились. Человек, оказавшийся в одиночестве в открытом море, нередко сходит с ума – уж они-то об этом слышали! Видно, бедняга помещался. И если даже заботой трех соседских семей он встанет на ноги, то не станет ни помощником на баркасе, ни работником по дому. Как с ним быть? Не век же держать у себя.

Трое друзей обсудили новый поворот судьбы чужака. Другого выхода нет: придется отвезти его в городскую больницу для бедных. Так они вскоре и сделали, из жалости дав незнакомцу еще чуток оправиться и прийти в себя. И без того в рыбацкой хижине он прожил четыре месяца.

Чтобы как-то звать незнакомца, ему дали имя Дайк, под которым его и записали в больнице. Это было самое расхожее имя среди анварденского простонародья. Дайк – поденщик, грузчик, матрос... Уличных собак тоже часто называли этим простым именем.

Благотворительная больница, которая существовала в Анвардене на добровольные пожертвования, была настоящими воротами на кладбище, жуткой морилкой для неимущих, какими всегда становятся заведения, живущие на подачки. Но Дайк и там не умер, хотя спустя пару месяцев во время очередного повального поветрия среди больных заразился и опять слег. Так целый год своей жизни, с тех пор как рыбаки обнаружили его на волнах в обнимку с обломком мачты, Дайк пролежал полумертвый и едва ли не все время без памяти.

Наконец по выздоровлении он покинул больницу и отныне должен был заботиться о себе сам.

Сны стали преследовать его не сразу.

Дайк старался вспомнить себя. Вместо собственной памяти он пробудил в себе странные видения, которые никак не могли быть его судьбой и принадлежали кому-то другому.

Сперва Дайк думал, что это у него бред от голода. Он был широкоплечий парень, хотя сильно исхудавший и ослабевший. Такому не подают охотно. Ремесла Дайк никакого не знал, а может, просто не помнил. Ему оставалась поденщина, но Дайк был подавлен, непредприимчив и не выдерживал соперничества с местными, которым совсем не улыбалось, чтобы чужак отбивал у них хлеб.

Дайк жил в гавани и ночевал среди разбитых бочек, от которых несло солониной и рыбой. Вернувшись к себе на ночлег, парень с ужасом ждал приближения снов. Они не всегда были кошмарными. Может быть, если бы Дайк помнил, кто он на самом деле, он с радостью отдавался бы своим ярким видениям. Но он, потерявший себя самого, раз за разом становился свидетелем чьей-то чужой жизни, неизвестно как связанной с ним и мучающей его неразрешимым вопросом.

Дайк затих, закрыв глаза, закутавшись дырявым плащом. И вот перед ним в сияющем зеркале уже стоит прекрасный, как пламя, небожитель. Его зовут царь Бисма, Бисма Содевати.

Небожители – великий народ Вседержителя. Когда Дайк лежал в благотворительной больнице, он не помнил самых простых сведений о сотворении мира, даже тех, которые знает любой простолюдин, хоть изредка посещающий храмы. Послушники, приходившие даром ухаживать за больными, рассказали ему суть веры.

Дайк лежал на подстилке у стены и тяжело дышал, а молодой белобрысый круглолицый послушник сидел рядом. Он думал, что больному скоро конец, и пытался наставить его. Оказалось, Дайк начисто забыл – если когда-то знал, – кем создан мир – и кто такие люди, и почему они должны чтить Вседержителя.

– Ты в храме хоть бывал? – сочувственно спрашивал послушник.

– Не помню...

– Тебе надо просить милости Вседержителя. Тогда ты попадешь в Небесный край. Понимаешь?

Дайк молча качнул головой: нет. Послушник, запахнувшись в длинную грубую рясу, старался коротко и понятно объяснить больному суть спасения.

– Люди – падший народ. Все злы от природы. Ты ведь вот лгал, воровал, делал зло? Надо просить милости...

– Я ничего не помню, что я делал...

– Ну, ничего. Даже если не помнишь. Все равно все люди виноваты. Ты понимаешь, что я говорю?

Дайк снова кивнул. Он каждый раз открывал глаза, когда послушник обращался к нему, а потом веки сами собой вновь опускались.

– Вот послушай. Когда-то Вседержитель сотворил себе прекрасный небесный народ. Они были бессмертны. Они были все равны, и только один сильнее остальных. Он был князем небожителей. Ты знаешь, что такое князь?

– Угу, – промычал Дайк.

– Небожители жили в небесном краю. Там никто не умирает, ничего не вянет... цветы везде. Они могли делать, что хотят, только им нельзя было ходить в Обитаемый мир.

– В наш? – прошептал Дайк.

– Вседержитель им строго-настрога запретил.

– А почему? – Дайку казалась непонятной эта история.

– Вседержитель не объяснил. Просто запретил. Наверное, ему виднее. Но князь небожителей стал их уговаривать: пойдете туда, там... – Послушник запнулся, подбирая понятное больному бродяге слово. – Источник силы, могущества, понимаешь? Там мы станем такими же, как Вседержитель.

– Пошли? – уронил Дайк.

– Не все. Половина – пошли. А половина – остались верными Вседержителю.

– И нашли? – Дайк облизнул пересохшие губы.

– Что?

– Это... могущество?..

– Нет... Какое могущество в брэнном-то мире. Наоборот, небожители пришли да как увидели, что тут творится... все растет, умирает, рождается, разрушается, сплошная круговерть. Они испугались и захотели вернуться. Но их уже обратно не пустили. Они потому что изменились от мира и стали смертными.

Дайк снова открыл глаза и посмотрел на послушника мутным взглядом.

– Вседержитель создал Подземную тюрьму и посадил туда этих падших небожителей вместе с их князем. Князь с тех пор стал править Подземьем и называется Князем Тьмы, а его друзья-сообщники стали демонами. А их потомков Вседержитель пощадил и оставил жить на земле. Это и есть мы, люди. Поэтому мы умираем и поэтому мы все падшие и злые по самой сути. Мы живем в мире, в котором Вседержитель не разрешал нам жить.

Из снов Дайк узнавал гораздо больше, чем могли рассказать ему самые грамотные послушники в благотворительной больнице.

Потомки небожителей в Обитаемом мире вновь разделились. Одни основали державу, которую назвали Сатра. Другие небольшими племенами расселились по миру и начали забывать о своей связи с небесным народом. Они звали себя людьми и стали понемногу дичать в постоянной борьбе с природой...

Потерявший память бродяга понимал язык небожителей. «Сатра» означало «царство». Бисма Содевати – смертный сын падшего небожителя Содевы. Содева уже заключен в Подземье, а его потомок Бисма живет в Обитаемом мире.

Бисма вел небольшой отряд, чтобы разведать окрестности и найти место для строительства нового города.

На царе был шлем превосходной работы: он покрыт гравировкой и позолотой, украшен восемью сходящимися к вершине полосами, а низ шлема весь отделан чеканкой. Зерцало начищено до блеска, выпуклый узор сияет на груди. За спиной у Бисмы наискось висит в ножнах двуручный меч, так что рукоять торчит над левым плечом.

Вдалеке за излучиной реки виднелись невысокие горы. Бисма остановился среди поросших лесом холмов под ярким синим небом, у его ног текла широкая и быстрая река; стояла осень, и по воде плыли листья.

Падшие небожители собирались совершить обряд очищения земли. На этой земле вскоре будет воздвигнута Бисмасатра – царство Бисмы.

На небольшой ровной площадке рабы вырыли яму в два локтя глубиной. Вчера они трудились над ней, выкладывая ее камнями, скрепляя камни раствором. Священнослужитель в голубом, белом и золотом держал ларец из блестящего металла, похожего на медь, простой, гладкий, без украшений. В руках Бисмы – вышитый мешочек. Развязав тесьму, царь и строитель Бисмасатры извлек прозрачный камень голубого цвета – один из тех, что небожители принесли из Небесного края.

– Я кладу в эту нечистую землю сердце новой Сатры. Оно взято из Небесного края, где нет скверны. Да очистит оно землю. Корни трав и подземные воды, где лежит сердце Сатры,

станут чисты. Деревья, которые вырастут над ним, будут чисты. Злаки, которые посеет здесь мой народ, будут чисты. Скот, который станет есть траву, будет чист. Да не осквернится больше вовеки эта земля, в которую я кладу сердце Сатры!

Священнослужитель подал Бисме раскрытый ларец. Теперь говорил он:

– Как Сатра, будучи ограждена Стеной от нечистого мира, сохраняет чистоту среди скверны, так сердце Сатры да будет ограждено стенами этого ларца от земли, в которой пребывает.

Бисма опустил прозрачный камень в ларец. Ларец засмолили, чтобы он не пропускал воздуха. Теперь «сердце Сатры» никак не соприкасалось с миром, внутри которого ему предстояло лежать. Встав на колени и опираясь на руку, другой рукой Бисма опустил ларец в неглубокую яму. Звон металла по камню – ларец коснулся дна. Бисма выпрямился и встал.

– Эта земля отныне принадлежит Сатре, – возгласил священнослужитель, и его возглас разнесся по всей равнине. Он поднял руку к небу. – Эта земля объявляется очищенной!

Двое воинов принесли гранитную плиту и закрыли отверстие колодца.

– Здесь – Бисмасатра! – произнес Бисма.

Когда обряд был закончен, рабы установили на гранитной плите каменный столб, чтобы во время будущего строительства никто случайно не потревожил сердца царства.

Дальше сон путается. Дайк видит уже более поздние времена. Бисмасатра построена и обнесена Стеной. Неподалеку зияет большой ров. Воины в сверкающих зеркалах сгоняют к нему одетых в холщовые рубахи и шкуры людей.

Людей гонят, как скот, всех, старых и молодых, детей и больных, женщин и мужчин, – и сталкивают вниз. Тела падают друг на друга. Крик, плач и стон... Воины Бисмы спешат скорее покончить с делом. Когда яма наполняется людьми, их забрасывают камнями, которые остались от строительства. Это последние из людей, которые жили на здешней земле раньше, до Бисмасатры.

Дайк просыпается, в ушах у него все еще стоят стон и крики, стук осыпающихся в яму камней...

Во сне Дайк шептал на чужом языке. Спал он крепко, иногда даже проливной дождь не мог его добудиться. Наконец с рассветом приходило освобождение от морока. Открыв мутные глаза, парень тревожно повторял про себя: «Я Дайк... меня зовут Дайк». Он боялся забыть и это имя, последнее, что у него оставалось.

Бродяга поднялся, загремев пустыми бочками, которые он задел. Впереди был еще один день чужой непонятной жизни.

Дайк искал заработка: он брался копать, колоть дрова, носить тяжести – за все, что не требовало мастерства. С утра он обходил город, спрашивая работы по дворам, по пекарням, по лавкам.

На окраине Дайк долго стоял у калитки деревянного ветхого дома, окруженного запущенным садом. Рядом с домом виднелся такой же ветхий флигель.

С крыльца сошла девушка. Светлые волосы гладко расчесаны на пробор, убраны сзади в косу и подколоты. Поверх серого нижнего платья надето темно-оливковое верхнее. В руках корзина: должно быть, на рынок...

– Хозяйка, – негромко окликнул Дайк.

Он боялся, что она его испугается; она и впрямь испугалась. Брови девушки чуть приподнялись: что?

– Я ищу работы. У тебя не будет? – Он покосился на заросший сад.

– Нет, – сказала она.

Дайк прятал беспокойный взгляд, чтобы девушка не посмотрела ему в глаза. Он боялся: по глазам она может догадаться, что у него мутится рассудок. Дайк стыдился своего поме-

шательства больше всего: больше нищеты, рванья, отросшей нечесаной бороды и спутавшихся волос. Ему чудилось, у него что-то не так с глазами: в них проглядывает нездешнее.

Дайк повернулся, чтобы уйти.

– погоди, – вдруг остановила его девушка. – Сейчас нет, но потом будет работа. Знаешь что? Давай я тебя накормлю, а потом приходи – и отработаешь?

Дайк молча посмотрел ей в лицо – узкое, тонкие черты, бледные, неяркие губы. Собственно, краска только в глазах – серо-голубых. Казалось, она старается преодолеть страх перед бродягой. Дайку тоже по-прежнему было не по себе. Он пошел с ней, и они оба старались, чтобы расстояние между ними было побольше.

Девушка отвела Дайка во флигель, где была кухня. Там оказалось чисто и бедно, открыто окно в одичавший сад. На выскобленном столе стояли в глиняном кувшине цветы, собранные в саду.

Табурет, на который девушка усадила Дайка, закрипел под ним. Дайк не смел шевельнуться, чтобы не подломились ножки.

Девушка отрезала кусок хлеба и стала разогревать вчерашний обед. Дайк заметил: она держится настороженно и не закрыла дверь, чтобы – если что – успеть выбежать во двор. У него потемнело в глазах от запаха похлебки.

– Вот, ешь. – Девушка поставила перед ним миску.

Чтобы он не стыдился, она отвернулась к очагу. Он безмолвно взялся за еду, от голода совсем не чувствуя, что горячая похлебка обжигает.

– Как тебя зовут? – спросила девушка.

– Дайк.

– А меня – Гвендис.

Она уже перестала его бояться, а он по-прежнему был совсем скован.

– Ты пока доедай, я сейчас. – Девушка встала и быстро вышла, Дайк услышал, как скрипят ступени старой лестницы под ее легкими ногами.

Он доел похлебку, получше огляделся. Как пусто на кухне. И едой запахло только тогда, когда хозяйка поставила котелок на огонь. У нее у самой почти ничего нет...

Гвендис появилась на пороге кухни с узелком.

– Вот для тебя одежда. – Она положила узел на свободный стул. – Мне все равно не нужна мужская, а тебе... – она вдруг улыбнулась, окинув взглядом сильно исхудавшего, но огромного бродягу. – Тебе будет совсем мала. Надо хоть немножко перешить, а то ты даже не натянешь. Посиди, я сейчас.

Гвендис разложила на столе нитки, иголки и ножницы, убрав опустевшую миску Дайка, и, теперь уже совсем его не опасаясь, села напротив. Она распорол боковые швы и расставила их полосами ткани. Дайк опустил голову, глядя в крышку стола. Сердце у него щемило, в душе нарастало непонятное беспокойство.

Во флигеле – да, наверное, и во всем доме – было заброшенно, ветхо и тихо. Только запущенный сад шевелился от ветра за окном.

Это было первое необыкновенное событие в жизни самого Дайка, а не в его снах. Слоняясь в гаванях, он нетерпеливо прикидывал, когда снова можно будет пойти к Гвендис отработать ей за похлебку. Наконец он решился. Осеннее небо поливало дождем. Дайк встряхивался и хмуро думал, что, пока он доберется, у него будет совсем жалкий вид. Он даже остановился в полутемной подворотне, размышляя, не повернуть ли назад? Но не выдержал и зашагал дальше. Морось стала слабее, правда, Дайка с вымокшей бородой и прибитыми дождем волосами это уже не спасало. Добравшись по грязным окраинным улочкам до большого ветхого дома Гвендис, он остановился у калитки, в смущении постоял и хотел уже уйти. Но пока он топтался на месте, во флигеле открылась дверь, и появилась закутанная в

плащ Гвендис – с котелком в руках, подобрав подол платья, она побежала по двору к кадке с водой. Набрав воды, Гвендис обернулась к калитке и увидела Дайка.

– Хозяйка! – первым окликнул он. – Я пришел отработать.

Гвендис подошла и открыла калитку. Она узнала этого высокого, широкоплечего бродягу. Его светлые волосы свисают до плеч; выразительный рот, широкий подбородок. Борода темнее волос, короткая и неопрятная. Он смотрит растерянно и тревожно, губы плотно сжаты.

– У меня сейчас нет работы, Дайк, – сказала Гвендис. – Все равно заходи. Согрейся, поешь, а потом отработаешь за два раза.

Дайк отрицательно покачал головой. «Лучше я зайду в другой раз», – собирался сказать он. Но помимо воли шагнул во двор.

Во флигеле Гвендис поставила котелок на огонь и встряхнула свой мокрый плащ.

– Дайк, снимай башмаки, я их поставлю сушиться, – и, увидев, что тот смущается, повторила настойчивее: – Снимай! Ты простудишься.

Дайк стащил распадающиеся по швам, насквозь промокшие башмаки и выдвинул их на середину кухни, а ноги как можно дальше спрятал под стол. Гвендис взяла башмаки и поставила к очагу.

– Сейчас поедим, – пообещала она, бросая в котелок крупу. – Где ты живешь, Дайк?

Тот неопределенно повел плечом:

– В гавани.

– Знаешь, Дайк, пока дождь, не ходи никуда, все равно у тебя вряд ли будет работа. Пересиди здесь. Обсушишься.

Дайк понял, что ей жаль его. Он сам не разобрал, горечь или тепло разлилось у него в душе. Гвендис добавила:

– Как ты живешь, когда осень?.. Хочешь, Дайк, приходи ночевать в этом флигеле. Я не буду его запирать и принесу тебе одеяло.

* * *

Дайк отрывисто сказал, что придет, а подумал, что не придет ни за что. Он боялся своих снов. Когда Дайк ощущал, что его готово охватить странное и чужое видение, ему хотелось забиться в угол, спрятаться, затаиться в щели. Он со страхом ждал, что однажды, даже открыв глаза поутру, не сумеет проснуться: темную, ненадежную память Дайка поглотит та, которая пробуждается, когда он спит. Тогда он станет кем-то другим, не человеком и не жителем теперешнего мира. Лучше бы, когда это случится, никого не было рядом. Они – те, о ком снятся Дайку сны, – ненавидят и убивают людей.

В эту ночь Дайку приснился родич царя Бисмы, небожитель Дасава Санейяти.

Бродяга видел небожителя в темном покое без света, в неподвижности – и знал, что Дасава сейчас погружен в созерцание. Он может так сидеть часами, высвобождая в своей душе особенные силы – магию небесного народа.

Сумрачный покой иногда озарялся яркой вспышкой – юный небожитель учился окружать себя сиянием. Во сне Дайку это казалось самым обыденным делом...

Видел он Дасава и под открытым небом, на воинских учениях. Тот вскидывал руку, и воздух пронзала быстрая молния. Любой воин Сатры умеет сводить небесный огонь.

Дасава – тирес, это означает «царевич»: точнее, «наследник царства», а не «сын царя». Дасава – небожитель, которому предстоит построить новое подвластное Сатре царство – Дасавасатру. Это право перед государем Сатры заслужил его род.

В снах Дайка Дасава изредка появлялся совсем еще мальчиком, подростком. Он отвечал на вопросы небожителя, одетого в спадающую вольными складками накидку и песочного цвета поддевку без рукавов.

– Ты тирес, – говорил Дасава наставник, – твое призвание весьма высоко. Ты – один из тех, кто приблизит бессмертие нашего народа, когда скверна будет уничтожена.

Вокруг простиралась огражденная Стеной благословенная земля Бисмасатры, где-то в ней было скрыто ее драгоценное сердце-бриллиант. А за Стеной царства шумел лесами первозданный и бранный Обитаемый мир.

– Все в Обитаемом мире – скверна. Наши славные предки осознали свою ошибку – здесь нет источника могущества. Мы нарушили волю Вседержителя и понесли справедливое наказание. Но мы опомнились и покаяться. Отныне мы не соприкасаемся с Обитаемым миром, хотя и вынуждены в нем жить. Есть ли в тебе скверна, Дасава?

Дасава в вышитой золотом длинной белой рубахе с широкими рукавами, подпоясанной золотым ремешком, отвечал урок:

– Во мне нет скверны, учитель. Ни одна нить в моей одежде не спрядена из скверного растения, я никогда не ходил по скверной земле и не ел хлеба из скверных злаков, не пил молока от нечистого скота.

Скот и растения можно использовать только те, которые выращены внутри Стены. Лишь птица с нечистой земли порой пролетает над Бисмасатрой, и ветер пригоняет тучи и приносит семена. Но существует множество очистительных обрядов и для земли, и для воды, и для самих небожителей. «Вся наша жизнь – очистительный обряд», – говорят священники, хранители веры.

– Почему ты знаешь, что будешь прощен Вседержителем? – спрашивает Дасава учитель.

– Потому что я ненавижу мир, который Создатель нам запретил, и никогда не осквернюсь от него, – убежденно говорит Дасава. – Мы исправили то, что нарушили наши отцы, – Вседержитель запретил им жить в мире, ибо он мерзок для него. Мы и не живем в мире, и мы – избранный народ.

– Однако ты смертен? – пронзительно глядя в его глаза, спрашивает учитель.

– Я смертен, – отвечает урок мальчик.

– Почему ты смертен?

– Потому что еще не пришел великий час полного очищения, и нас окружает Обитаемый мир, хотя мы и не живем в нем. Он истощает силы нашей души.

– Стремись ли ты стать бессмертным, как надлежит твоему народу?

– Да.

– Что нужно для этого?

– Предохранять себя от скверны, – начинает перечислять Дасава, – не соприкасаться с миром, развивать в себе силы моего небесного народа... – он слегка сбился, – и приближать час очищения и спасения.

– Что нужно сделать, чтобы приблизить час?

– На все восемь сторон света, – наизусть говорит Дасава, – должен распространиться небесный народ, уничтожая величайшее оскорбление замысла Вседержителя – людей. Среди их убогих земель будут выситься стены Сатр, и когда они покроют почти всю землю, остальное будет сожжено нашим огнем. Все люди будут уничтожены, как и звери, и обитатели вод, которые живут на скверной земле. Останется только чистое, и мы станем бессмертны. – Мальчик переводит дыхание. – И Вседержитель позволит нам вернуться в небесный край.

Смерть тела не очень пугает молодого Дасава, хотя мысль о ней унижительна: во всем равный небожителям Небесного края, он отличается от них тем, что однажды умрет!

Несмотря на обряды и духовные упражнения, жизненные силы падших небожителей угасают с годами. Раньше всех умирают рабы – это те, в ком наблюдается тяга к скверне и которых осудили на низкий труд. Чтобы они не уподобились отвратительным «говорящим животным», в которых превратились люди, их держат в узде. Лучше быть рабом среди избранного народа, чем смешаться с мерзостью Обитаемого мира.

– Расскажи, как расширяются владения Сатры? – говорит наставник.

– Владения Сатры расширяются так, – отвечает Дасава. – Сначала надо основать новое царство. Впереди идут разведчики, которые находят место. Их тирес опускает в землю «сердце Сатры» в ларце, чтобы земля начинала очищаться. Затем приходят воины. Они выжигают лес или степь и убивают людей. Но часть людей оставляют, чтобы они строили Стену, дороги, работали в рудниках и каменоломнях. Когда Стена будет готова, священнослужители освятят новую Сатру. Людей, для которых не найдется работы, надо убить, потому что они не нужны. Но и тех, кто работает в рудниках и каменоломнях, тоже надо убивать и заменять новыми, чтобы не было привычки щадить их. Вот как расширяются чистые владения Сатры, наставник.

Дайк лежал в пустой бочке, вытянув наружу ноги. Бродяге казалось, что Сатра все-таки существовала, а не родилась в его поврежденном рассудке.

Не вставая, Дайк продолжал думать, но теперь уже о Гвендис. Представив ее себе, он сразу же ощутил тепло очага у нее на кухне. Похоже, она совсем одна. Одежда, которую она отдала Дайку, должно быть, ее отца. «Мне все равно не нужна мужская, а тебе...»

Дайк вспомнил, как Гвендис насыпала крупы в котелок. Она варит пустую кашу. Большой дом весь скрипит. Если бы Дайк мог что-нибудь сделать для нее... Неужели он никогда не знал никаких ремесел? «Чем я жил? Кто я был?» – спрашивал себя Дайк.

Но ему легче было представить себя царем Бисмой, чем человеком из ныне живущих.

Дайк отправился в город. Иногда с одной из окраин он видел вдали очертания гор. Между ними тек просторный Эанвандайн.

– Эй, друг! Не знаешь, что там, за городом? – окликнул Дайк такого же оборванного человека, как сам. – В той стороне.

– Не знаю, – ответил прохожий.

Но эти же очертания гор Дайк не раз видел во сне. «Эти же?» – подумал он. Ему было трудно переступить черту между тем, чтобы бояться своих снов и пытаться забыть их, – и тем, чтобы поверить и заставить себя искать их след наяву.

Несколько дней Дайк прожил, как в лихорадке. То, что он видел во сне глазами царя Бисмы, опять и опять вставало перед его помутившимся взглядом. Ровная площадка за излучиной реки, осеннее небо над головой, плывущие по реке желтые листья...

Неужели где-то там, в каменном колодце, в ларце спрятан голубой драгоценный камень? У Дайка стучало в висках. Вдруг он добыл бы камень и подарил бы Гвендис?.. Подумав об этом, Дайк широко улыбнулся. За похлебку, которой она кормила его якобы в счет будущей работы, он добудет ей драгоценное сердце Бисмасатры. Она пожалела его, голодного, вымокшего под дождем. А у него в руке будет драгоценный камень. В следующий раз он придет к ней, как царь Бисмасатры, с сокровищем, которое небожители принесли с собою с небес!

Дайк прикинул время пути до видимой из города невысокой горной гряды. Дня два-три, если не обманывают глаза. А у него нет даже сухаря на дорогу...

Но от одной лишь этой задумки Дайк окреп и выпрямился. У него, у Дайка, начинала появляться собственная судьба. В ней была Гвендис и был поиск чудесного камня. Пусть даже без единого сухаря на дорогу – он отправится на поиски тайника. Отправится в свой сон о древней Бисмасатре, на месте которой давно стоит другой, человеческий город.

Дайк исчез из Анвардена на две недели. Столько времени занял его поиск.

Он доверился сну. Тайник был в гористой местности за излучиной реки, и Дайку казалось, он представлял, в какой стороне от Анвардена.

Парень слышал, что в окрестностях города встречаются «старые развалины». То заросшая дорога из белого камня, только он почти совсем раскрошился, то плита какой-то стены. А порой в лесу или в море находят обломки колонн. Еще в благотворительной больнице кто-то рассказывал, что это Древний Анварден, который был гораздо сильнее и больше теперешнего. А может, это Бисмасатра?..

Дайк ушел в дорогу, как был, с пустыми руками. Рывок не на жизнь, а на смерть. Все равно снарядиться в путь нечем: все имущество Дайка – ржавый нож. Он когда-то нашел его у входа в портовый кабак.

Весь запас сил, который был в его теле, Дайк собирался растратить на поиски «сердца Бисмасатры». Плоды-дички по пути, горсть ягод – это было его пищей в двухнедельном походе, но Дайк держался. Он привык мерзнуть ночами в порту и греться у маленького костерка из обломков ящиков и бочек. Теперь он точно так же мерз и грелся у небольшого огня из мелкого хвороста, потому что у него не было топора нарубить сучьев. Дайк шел вдоль берега Эанвандайна. Он помнил, что тайник – за одним из поворотов реки.

По сравнению с тем, что он видел во сне, вокруг многое изменилось, но русло Эанвандайна осталось прежним. Дайк остановился среди поросших лесом холмов под ярким синим небом, у его ног текла широкая и быстрая река; стояла осень, и по реке плыли листья... «Те самые...» – хмуро усмехнулся Дайк.

Он стал обыскивать местность. Дважды Дайк ошибался и искал зря. Но наконец под узловатым матерым дубом он наткнулся на вросший в землю, покрытый мхом и увитый диким плющом обломок то ли дерева, то ли круглого столба. Да, столба: он отломился неровно, и на сломе было видно, что это не дерево, а камень. Дайк наклонился и стал расчищать место ножом, срезая плети обвившего обломок вьюна, соскребая мох...

– Здесь – Бисмасатра... – вдруг шепотом вырвалось у него на языке царя Бисмы, теми словами, что он слышал во сне.

Под грудой листьев оказался замшелый холмик. Встав на колени, Дайк принялся копать. Острие ножа скоро звякнуло о камень. Должно быть, та плита, крышка колодца...

До сумерек Дайк расчистил плиту, которая сровнялась с землей, подрыл по краям, а потом отыскал крепкий сук и выворотил ее из земли. Последним усилием он поднял плиту, поставил на ребро – и оттолкнул. В земле осталась широкая яма почти по колено Дайку. Дайк начал разгребать глинистую почву с корнями и червями, просунул в сырую глубину руку и с замиранием сердца нащупал холодную поверхность ларца.

Дайк вытащил его. Да, тот самый ларец! Весь потемневший от времени...

Рубашка Дайка была в грязи, в земле, в налипших листьях. Он даже не отряхнулся, изо всех сил прижимая к груди ларец и ища взглядом камень. У реки Дайк видел множество больших и малых темно-серых валунов. Здесь они тоже попадались. Положив ларец на плиту, которая с незапамятных времен хранила его под собой, Дайк обеими руками поднял над ним один из камней и изо всех сил опустил. Окаменевшая за века смола треснула. Дайк отбросил валун и подцепил крышку ножом. Затаив дыхание, он открыл ларец и извлек голубой прозрачный камень. Спустя много столетий рука человека вырвала из тайника в земле сердце Бисмасатры.

Прислонившись спиной к холодному стволу дуба, Дайк затих и закрыл глаза. В кулаке крепко зажат крупный самоцвет круглой огранки. Дайк улыбнулся широко и устало.

Он придет к ней, будет ждать около ее дома. Долго, с самого утра... Она выйдет и скажет: «У меня сейчас нет работы, Дайк. Согрейся, поешь, а потом отработаешь». Дайк засмеялся. Он раскроет ладонь, и на ладони – голубой самоцвет. Милая Гвендис, я последний царь Сатры!..

Дайк вернулся в Анварден, завернув камень в оторванную от рубашки тряпицу.

Деревья в городе почти облетели. Листья устлали улицы, мокли в лужах. Дайк так ослабел в пути, что от запаха увядших листьев, как от вина, у него кружилась голова.

Дом Гвендис был заперт. Дайк неподвижно стоял у калитки. Ему хотелось сесть у забора на землю, но он удержался. Дайк боялся попасться Гвендис на глаза в этой униженной позе.

Наконец в конце улицы показалась молодая женщина, закутанная в темно-синий плащ. Гвендис шла, то обходя лужи, то перескакивая через них, и несла закрытую корзину. Наверное, ходила за покупками. Дайк бросился к ней навстречу. Гвендис узнала его – остановилась, чуть не выронив корзину из рук.

– Дайк! – Она откинула накидку плаща. – Тебя так долго не было!.. Что случилось?

Вид Дайка – оборванного сильнее прежнего, с запавшими щеками, с лихорадочно блестящими глазами – поразил ее. Она неподвижно взгляделась в его лицо и хотела еще что-то сказать, но Дайк схватил ее за руку. Девушка тихо вскрикнула и попыталась вырваться:

– Ты что?!

– Вот, Гвендис, это тебе от меня. Продай. Это от меня, – повторял хриплым, простуженным, надорванным голосом Дайк, насильно всовывая в руку девушки самоцвет.

Все вышло не так, как он мечтал возле разрытого тайника. Не дожидаясь в ответ ни слова, Дайк бросился прочь и скрылся за углом. Вслед донесся голос Гвендис:

– Дайк, не уходи!

Он дворами выскочил на другую улицу. Дайк не хотел, чтобы Гвендис спрашивала его о драгоценном камне: он не мог рассказывать правду о своих снах, чтобы она не сочла его помешанным. А как солгать, он не придумал.

На поиск чудесного самоцвета Дайк растратил весь запас сил, какой был в его теле. Парень чувствовал, что его оставляет воля к жизни. Он вернулся в гавань, но не дошел даже до закутка, где обычно ночевал. Дайк сел под стеной маленького грязного кабачка, мимо которого проходил, и закрыл глаза. Можно было подумать, он мертвецки пьян и не в силах идти дальше. Сейчас же видения вступили в свои права.

...Дасава Санейяти схватился за искривленное деревцо. Вокруг стоял туман. Везде под ногами лежало болото.

Дасава приказал разведчикам разделиться на восемь дюжин. Одну он сам повел на северо-восток в поисках места для основания Дасавасатры.

Разведчики забрели в чащобу, потеряли направление, долго блуждали, наконец вышли на открытое место. Перед ними зеленел луг с высокой острой травой. Отряд двинулся вперед, и двое сразу же увязли в трясине – это оказалась обманчивая поверхность топи. В тяжелых доспехах они погружались в болото, как камни. Небожитель, который пытался протянуть руку тонущему товарищу, не удержался на ногах, поскользнулся на кочке и окунулся в топь вслед за ним. Пока остальные искали подходящий сук, чтобы протянуть соратникам, их головы уже скрылись в черной воде. Смерть небожителей была быстрой и страшной.

Мир подстроил им подлую ловушку. Дасава сжимал зубы от бессильного гнева. Но он не знал, как выбраться из болота. Замкнувшиеся за стенами Сатр, отвергшие Обитаемый мир небожители не умели выживать на его просторах. Разведка в незнакомом краю была для них опаснее открытого боя с жалкими дикарями-людьми.

Спустя короткое время в трясине пропал еще один воин. Невозможно было понять, какой шаг станет гибельным. Просвеченный солнцем туман казался желтым. Где-то далеко кричала птица. Воинам казалось, их окружают призраки.

Вдруг, словно поднявшись прямо из топи, меж редких искривленных деревьев соткалась женщина в платье из простого небеленого холста, украшенном пучками болотной травы и мха, с серыми, как мох, волосами до пояса, с огромными зелеными глазами. От опытных разведчиков Дасава слышал о земнородных – детях Обитаемого мира. Они зарождались в особых местах земли – некоторых рощах, заводях, зарослях и пещерах – и для небожителей были еще более нечистыми созданиями, чем люди.

Легко скользя по поверхности топи босыми ногами, болотница приблизилась к отряду и безмолвно замерла в камышах.

– Прочь, земнородная тварь! – крикнул один из товарищей Дасава.

Со взмахом руки небожителя воздух рассекла извилистая молния. Но болотница уже растворилась в туманной мгле.

До ночи разведчики потеряли в походе еще двоих.

Стемнело. В траве металась крошечные огни. Невозможно было ни сесть, ни лечь: небожители столпились на зыбком островке, с трудом выдерживая тяжесть доспехов. Наутро воины совсем обессилели.

К полудню в живых остался один Дасава. Только он добрался до нового островка твердой земли.

Припекало солнце. От болота поднимались испарения. Усилием воли не давая ногам подогнуться, Дасава двинулся дальше.

Он оступился в заросшее осокой окно совсем рядом со своим островком. Дасава успел схватиться за подвернувшуюся под руку корягу. Но топь засасывала, и доспех тянул вниз. Пытаясь бороться, Дасава все быстрее уходил в трясину. Он погрузился по пояс, по грудь... «Проклятый мир. Он убил нас всех», – думал несостоявшийся царь Дасавасатры. Еще миг, и он начнет захлебываться болотной жижей.

Сквозь сон Дайк различил смутно знакомый встревоженный голос.

– Дайк! Дайк, проснись. – Кто-то тряс его за плечо.

Дайк с усилием открыл глаза – и увидел над собой бледное, взволнованное лицо Гвендис в обрамлении темного наголовья плаща.

– Дайк, проснись. Встань, пожалуйста.

Дайк окончательно пришел в себя.

– Гвендис, – отозвался он и начал вставать, опираясь о стену кабака.

Девушка подала ему руку.

– Дайк, я тебя искала, еле нашла. Пойдем ко мне. Почему тебя не было? Куда ты ходил? Тебе надо в дом. Ты же совсем болен. – Гвендис решительно сжала его грязную, исцарапанную ладонь. – Пойдем.

Два полупьяных матроса в разорванных робах, выйдя из кабака, остановились, бездумно глядя на них. Должно быть, решили: молодая отыскала наконец своего неприкаянного пропойцу-мужа, и ждали, не будет ли, на что поглядеть?

Дайк пошатываясь пошел за Гвендис, и вдруг его охватила шальная радость. Он засмеялся, несколько раз принимался что-то говорить, но ему не хватало слов. Им вслед посматривали редкие прохожие.

Они добрались до дома Гвендис, и она повела Дайка вверх по скрипучей лестнице. Дайк уже затих и нахмурился.

– Осторожно, тут перила расшатаны. – Гвендис поддержала его, и вовремя – он оперся рукой на перила, которые опасно подались под его тяжестью.

Они вошли в сумрачную комнату. Кресла и столик из темного дерева, по стенам на полках – от пола до потолка – кожаные корешки книг, в углу – конторка.

– Садись. – Она подвела Дайка к креслу. – Я сейчас.

Дайк сел и сразу закрыл глаза – приступ радости сменился у него слабостью во всем теле и дремотой. Он уронил голову на грудь.

Наконец вернулась Гвендис с миской овощной похлебки и большим куском хлеба.

– Дайк, поешь, пока не остыла. – Она поставила миску на столик возле его кресла. – Ну, не спи. Увидишь, тебе сразу станет лучше.

Дайк медленно начал есть. Гвендис хлопотала в комнате. Она принесла теплое одеяло и застелила узкую кровать в нише.

– Ты сильно заболел, у тебя горячка. Я постелю тебе здесь. Это библиотека, но, бывало, отец тут спал. Отец был лекарь, – добавила она. – Я приготовлю лекарство, но главное тебе сейчас быть в тепле и в покое.

Гвендис сбегала на кухню еще раз и вернулась с охапкой дров, начала растапливать камин. Скоро в комнате стало тепло.

Дайк доедал похлебку, Гвендис ждала, когда вскипит вода – она подвесила котелок на крюк над очагом, чтобы заварить травяной чай.

Девушка грустно улыбнулась. Дайк отблагодарил ее за пару мисок похлебки, за старую одежду и доброе слово таинственным голубым камнем. У Гвендис не было даже догадок, где он его достал. Она не знала, настоящий это бриллиант или нет. Но яркая игра света и живой блеск заставляли Гвендис думать, что настоящий. Она была уверена: Дайк не украл удивительный самоцвет. Он казался ей таким бесхитростным человеком, что она не могла представить себе, как бы он украл драгоценность у богача: ведь богачи умеют защищать свои сокровища от воров! Дайк бедствовал и не умел даже стянуть булку на рынке. А тут – самоцвет из сказки!

Гвендис взглядела в своего нового друга. Обветренное лицо почти обезображено невзгодами и болезнью, но в нем до сих пор чудится что-то правдивое, что еще раньше подсказало Гвендис не бояться его. Она подошла, чтобы взять из рук Дайка пустую миску – он держал ее на коленях. Впервые после смерти отца она была не одна в библиотеке.

– Тебе надо отдохнуть, – сказала она. – Я принесу одежду отца. Пока я перешью, поспи тут, в кресле.

Гвендис укрыла его, сидящего, одеялом.

– Гвендис, – шепотом сказал Дайк. – Я ничего не помню...

Она не поняла, что он хочет сказать.

– Ты скоро поправишься. Все будет хорошо. Дайк...

У Гвендис не хватало дров, чтобы натопить в другой комнате. Она вообще берегла дрова для кухни и топила очень редко, только в сильные холода. Зима в Анвардене была дождливой, случалось, выпадал мокрый снег. Гвендис пряталась в своем расшатанном просторном доме, кутаясь в одеяла и платки. Но сегодня она разожгла камин для больного и сама осталась в библиотеке с шитьем.

Дайк не заметил, как уснул, и проснулся, услышав, что его зовут по имени. Он чувствовал сквозь сон, что кто-то держит его за руку и даже гладит по волосам. Тяжело дыша после беспокойных видений, он открыл глаза. Дайк смутно помнил, что Гвендис уже несколько раз подходила к нему, давала выпить холодного отвара, отирала лоб намоченным в холодной воде полотенцем. Значит, он спал долго.

Стемнело, только в камине чуть светились медленно догорающие угли. Дайк сидел в деревянном кресле, а напротив сидела Гвендис в простом сером платье, со светлой косой, которую, собираясь на улицу, она подкалывала вокруг головы.

– Ты очень тревожно спал, – сказала она. – Я решила разбудить. Тем более что пора ужинать. Тебе снятся плохие сны? На, выпей воды.

Дайк не сразу пришел в себя. Сделал несколько глотков из протянутой ему кружки, осмотрелся туманным взглядом.

– Лучше бы я совсем никогда не спал... – пробормотал он.

Гвендис была задумчива – во сне Дайк невнятно говорил на чужом языке. Девушка решила пока не спрашивать его об этом.

За ужином она зажгла фитилек в плошке с жиром. Он чадил и давал мало света, но свечи были слишком дороги. У девушки мелькнуло: если продать драгоценный камень, она сможет каждый вечер читать при свечах в библиотеке возле ярко горящего камина.

Ужин – хлеб, чай на травах и кашу – они с Дайком съели быстро. Для себя одной Гвендис не стала бы варить кашу, но ради него было нужно. За окнами совсем стемнело, и Гвендис закрыла ставни. По крыше стучал дождь, но в библиотеке было тепло и спокойно. Дайк представил, как холодно и сыро сейчас в порту.

– Я никогда не видела такого большого и красивого камня, как твой, – сказала Гвендис. – У меня даже голова закружилась, когда ты отдал его мне. Спасибо, Дайк.

Он улыбнулся в ответ, как улыбаются бродяги и собаки – скаля зубы.

– Дайк. Расскажи, пожалуйста, откуда он у тебя, – тихо продолжала Гвендис. – Если это тайна, я обещаю никому не говорить. Может быть, это из твоего прошлого? Ты обеднел, а раньше был богатым? Но нет. – Гвендис покачала головой. – Невозможно. Почему ты жил в порту, голодал, когда у тебя был этот камень?.. Видишь, я теряюсь в догадках. Все кажется невероятным.

– Это потому, – произнес Дайк, – что я вижу во сне Сатру. Камень был спрятан в тайнике, который устроил царь Бисма. Я видел это.

Он опустил голову. В благотворительной больнице Дайк насмотрелся на сумасшедших, которых держали в цепях. Страх, что его сочтут помешанным, был для него невыносим.

– Что ты сказал? – изумилась девушка. – Ты видел тайник во сне?

– Это все было на самом деле. Я нашел плиту и каменный столб. То место, которое было во сне, – повторил Дайк.

– А откуда ты сам родом? – Гвендис снова подумала о незнакомом языке, на котором он говорил в бреду.

– Не знаю. – Дайк поглядел на нее и намурил светлые брови, чуть темнее своих русских волос. – Я ничего не помню. Мне просто снится эта проклятая Сатра...

Гвендис наконец поняла.

– Вот что... Мне еще раньше казалось, что с тобой что-то не так. Жаль, ты не сказал сразу. Значит, ты потерял память о себе – но вдруг стал видеть в снах то, чего с тобой никогда не было? Надо посмотреть, что пишут о болезнях памяти в медицинских трактатах. – И, чуть улыбнувшись, девушка пояснила: – Я знаю, не принято, чтобы женщина изучала лекарское ремесло. Но я научилась у отца. Его считали ученым и чудачком... Я даже занимаюсь практикой. Многим людям не хватает денег, чтобы обращаться к настоящему лекарю. Они зовут меня. Этим я и живу с тех пор, как не стало отца.

– Почему он умер?

– Заразился от больного. Уже давно. При отце дом был еще совсем крепкий, а сейчас весь скрипит.

– Когда ты продашь самоцвет, все будет хорошо, правда? – спросил Дайк.

– Конечно... Это просто чудо. – Гвендис помолчала. – Прошу, Дайк. Поживи у меня, пока не будешь здоров и пока я не продам камень. Он, наверное, очень дорогой. Его цены хватит, чтобы беды кончились не только для меня, но и для тебя тоже. Тебе не надо сейчас уходить, Дайк.

Дайк сидел в кресле, грея руки о чашку с травяным чаем. Гвендис сняла с прута несколько кусков жареного хлеба, выложила их на блюдо. Дайк был тревожен и хмур.

– Что такое Сатра? Что тебе снится? – спрашивала Гвендис.

– Царство небожителей, которые нарушили запрет Вседержителя и ушли в Обитаемый мир, а потом раскаялись и попытались отречься от мира.

Гвендис промолчала. Она считала, что хорошо знает священную историю, но ей ни разу не попадалось упоминание о царстве небожителей на земле. Гвендис глядела на догорающий в плошке фитилек. Плошка стояла на каминной полке.

– Падшие небожители ненавидели людей: ведь люди обжили запретный Обитаемый мир, как собственный дом. За это небожители считали их отступниками, из-за которых Вседержитель не позволяет им вернуться обратно на небеса, – говорил Дайк. – Во сне я иногда вижу все так, как если бы смотрел глазами царя Бисмы или Дасавы... Я видел, как убивали людей после постройки Бисмасатры! Их просто засыпали камнями и землей в одной большой яме – живых.

Стиснув зубы, он сильно замотал головой, чтобы прогнать видение. Гвендис привстала с кресла. Дайк признался, сжав руками виски:

– Я был кем-то другим, а потом стал Дайком. Когда я засыпаю, я боюсь, что проснусь опять незнакомцем. Себя у меня нет, я чувствую внутри пустое место, которое может занять кто-нибудь еще.

Дайк помолчал, потом поднял на нее измученный взгляд:

– Скажи правду, Гвендис: я безумный?

Дочь лекаря почувствовала, как у нее защемило сердце.

– Нет, Дайк. Правда нет. Тебе пора ложиться спать.

– Гвендис... запри дверь, – хрипло попросил Дайк.

Она не поняла:

– Ты боишься, что кто-нибудь сюда придет?

– Нет, – быстро ответил Дайк. – Если я останусь у тебя на ночь, запри дверь той комнаты, где я буду спать. Заложь кочергой снаружи.

Она утешительным жестом провела ладонью по его густым русым волосам.

– Не надо. Ты должен перестать так думать.

Дайк замер.

– Ты плохо придумал про кочергу, – ласково, но твердо продолжал Гвендис. – У тебя горячка, я не хочу оставлять тебя на ночь одного. Ты не безумный и не должен относиться к себе, как к дикому зверю. Я лекарь, Дайк, слушайся меня. Я дам тебе снотворное, и тебе совсем не будет сниться никаких снов. А ты прямо сейчас постарайся верить в себя, что ты в здравом рассудке. Ты нашел для меня драгоценный камень. Это было так трудно, но ты сумел. А я сумею вылечить тебя, я обещаю.

Была еще одна причина, по которой Гвендис решила спать в библиотеке. Ей не хотелось топить у себя в спальне: лучше поберечь дрова. Дайк перетащил в библиотеку ее небольшую деревянную кровать. Он виновато улыбнулся, видя, как ослабел и не справляется один, так что Гвендис пришлось ему помогать. Во всем доме стоял промозглый холод. Дайк почувствовал это, когда они вышли из теплой библиотеки.

Гвендис показала, где поставить кровать, чтобы, ложась спать, они с Дайком не стесняли друг друга. Наконец она затушила фитилек, они легли, и Дайк, боясь снова разбудить ее своим бредом, не позволял себе заснуть. Но Гвендис, как и обещала, дала ему снотворное, так что Дайк продержался недолго.

Дайк видел: сквозь болотный туман проступили очертания человека. Через трясину, легко и быстро, как посуху, шагал высокий светловолосый парень. В руке у него была длинная жердь. Он шел стремительно и уверенно, движения были точны – жердью незнакомец нащупывал впереди себя твердую почву и ступал на нее. Одет болотный житель был в холщовые грубые штаны, заправленные в сапоги из кожи, и длинную рубаху с вышивкой по подолу и рукавам. Поверх рубахи – куртка нараспашку без рукавов, мехом наружу. За спиной – лук и колчан.

Увязший в топи уже по самые плечи небожитель Дасава не сводил с него глаз. Человек оказался рядом на островке и сразу же протянул Дасаве жердь. Небожитель мертвой хваткой вцепился в нее. Незнакомец крикнул. Его язык напоминал язык небожителей, и Дасава понял: «Держись!» Человек с силой потащил жердь на себя. Подтащив Дасаву поближе, он протянул ладонь. Дасава медлил. Он знал, что не должен братья своей рукой за руку человека. Это осквернило бы Дасаву. Но человек крикнул: «Хватайся, ну!» – и тогда небожитель крепко схватил его ладонь. «Держись, не шевелись, я сам тебя вытащу!» – приговаривал незнакомец. Дасава послушался.

Не сразу и с большим трудом человек выволок на островок закованного в доспехи небожителя. Лежа навзничь, Дасава разглядел его: у лесного человека серые глаза и длинные, собранные в хвост волосы. На шее у него на кожаных шнурках висит несколько маленьких деревянных изображений – колесо и другие причудливые фигурки.

– Снимай эту железную куртку, задохнешься в ней, – говорил человек, неумело ища способ снять с него доспехи. – Я шел по вашим следам. Если бы мне поспеть раньше!

Дасава почти не делал усилий, чтобы понять его язык – это были искаженные слова его родной речи.

Парень нашел ременные завязки и снял с Дасава зеркало. Человек с удивлением рассматривал грудную половину доспеха.

– Зачем вы полезли в этом в болото? – обескураженно спросил он. – Ну, ничего, слава старому лесу, ты живой. Я отведу тебя в наше селение.

Дасава, еще не опомнившись от близкой смерти и неожиданного избавления, не находил, что сказать. Лесной человек продолжал:

– Отдохнешь у нас, а потом я тебя выведу к твоему народу. Мое имя – Белгест. А твое?

Несмотря на сонный отвар, который давала ему Гвендис, Дайк проснулся еще до рассвета.

«Как мое имя? Кто я?» – задумался он. Бывший матрос, раб или каторжник, которого полумертвым в кандалах выловили из моря... Откуда тогда в голове у него Сатра?

Дайк встал. Камин давно остыл, и в библиотеке стало холодно. Гвендис сразу предупредила, что спать надо тепло одетым. Она сама еще спит... Дайк, стараясь ступать потише, подошел к ее кровати. Это было против правил того доверия, которое они друг другу оказали. Но он оправдывался, что только хочет укрыть ее одеялом, которое ему самому больше не нужно...

Гвендис проснулась, когда уже рассвело, от непривычного тепла, и полежала некоторое время, закрыв глаза. Потом вспомнила: Дайк. Быстро сев на кровати, она увидела второе одеяло – и обвела взглядом комнату:

– Дайк, где ты?

Он сидел в кресле, обхватив плечи руками.

– Ты же замерз. – Гвендис, с растрепанными от сна, выбившимися из косы прядями, взяла одеяла и быстро подошла к нему, приложила руку ко лбу. Она смущенно и ласково улыбалась. – Спасибо, Дайк. Мне было так тепло под утро. – Она поспешно накрыла его

обоими одеялами и закутала до плеч. – Но, пожалуйста, не делай так больше, у тебя вчера был жар, и ты еще нездоров. А теперь я приготовлю чай, и ты согреешься.

Гвендис вышла и вернулась уже причесанная, снова растопила камин, начала кипятить воду и скоро дала Дайку чашку травяного чая с поджаренным куском хлеба. Он смотрел, как она улыбается – радостно, как ребенок.

– Вот, выпей для бодрости, – сказала Гвендис. – А потом надо нагреть тебе воды и вымыться хорошенько.

Она засмеялась, и Дайк засмеялся, без всякого стыда представив себе самого себя – потрепанного и недомашнего, как пугало в огороде.

За окнами по-прежнему моросил дождь. Дайк прислушался к стуку капель о стекло.

– Да, льет, – подтвердила Гвендис. – Но мы будем греться у камина. Только после обеда у меня есть дело. Ведь наш камень – драгоценная находка: за нее полагается награда, и у нас будет много дров, будем топить каждый день. А пока давай нагреем воды, ты оденешься в чистое. – Гвендис показала рубашку, расставленную в швах. – И у тебя, наверно, ушибы, и ноги стерты. Не стесняйся, я ведь лекарь. Я смажу мазью. А потом мы позовем цирюльника, чтобы он сбрил тебе бороду...

Было уже за полдень, когда они управились со всем этим. Дайк растерянно поглаживал выбритый подбородок. Гвендис с удивлением сказала:

– Ой... Я думала, ты старше.

Дайк нетерпеливо посмотрелся в маленькое, висящее на стене зеркало. Он пытался узнать сам себя. Но это лицо с широким ртом, светлыми бровями и серыми глазами ничего не говорило ему.

Посещая больных, Гвендис многое узнавала о человеческой жизни. Хозяева старались задобрить лекарку, посвятить ее в свои дела, словно временно принимая в семью. Как-то раз Гвендис рассказали о парне, нашедшем клад. Этот парень был каменщиком, мостил улицы. Находчику из простонародья, неимущему и бесправному, клад принес одни беды. Беднягу держали в тюрьме, допрашивали, где и как ему улыбнулась такая удача, полностью ли он сдал сокровище в казну или кое-что утаил.

Гвендис даже представить себе не могла, что будет с Дайком и, наверное, с ней, как с сообщницей, если они со своим самоцветом попадут в руки дознавателей. Дайка в тюрьме на самом деле сведут с ума, стараясь выбить из него более правдоподобное признание, чем приснившийся ему тайник.

Безопаснее всего было бы спрятать камень и забыть о нем навсегда. Но Гвендис возмущала такая мысль: это было малодушие. Дайк с трудом добыл самоцвет, надеясь, что от этого улучшится ее жизнь, а она не примет его дар, спрячет или выбросит, хотя могла бы прекратить его и свои беды? Нет, драгоценный камень должен пойти в дело.

Гвендис пыталась припомнить, кто из влиятельных людей был настолько обязан ее отцу, чтобы теперь она могла решиться прибегнуть к его помощи?

На это не ушло много времени. В доме хранились рукописные книги, которые вел отец. Там подробнейшим образом были описаны истории всех больных за последние двадцать с небольшим лет. К каждой истории подкалывались выписанные из трактатов рецепты лекарств, заметки по поводу лечения и вся переписка с больным, вплоть до коротких записок. Книги были пронумерованы, на каждой стояли годы, когда она была начата и закончена.

Эти дневники Гвендис и решила перелистать. Вскоре она наткнулась на описание случая с одной знатной женщиной. Приглашенный к ней на консилиум отец Гвендис по некоторым малозаметным признакам верно распознал ее болезнь. Ученые собраты не соглашались с мнением чудаковатого старика, но он переупрямил всех и быстро поставил больную на ноги.

В отцовском дневнике сохранилось упоминание, что сын знатной больной – сьер Денел, порядочный и благородный молодой человек, – после выздоровления матери всячески настаивает на том, чтобы отблагодарить лекаря. Но отец никогда и слышать не хотел ни о какой благодарности, кроме обычной оплаты.

На полях дневника напротив записи стояла цифра – номер рукописной книги, где можно найти подробную историю болезни.

Гвендис, пододвинув к полкам стремянку, сняла нужную книгу. Быстро перелистав ее за конторкой, она нашла и описание болезни, и адрес больной, и благодарственные письма сьера Денела с заверениями, что он никогда не забудет оказанной помощи.

Этому человеку Гвендис и решила довериться.

В темном шерстяном платье с широкими рукавами Гвендис пешком отправилась в особняк рыцаря Денела. На пересечении двух улиц стоял дом с опрятным фасадом и башенкой. Кованые перила украшали крыльцо. Гвендис отворил дверь сухощавый слуга. Девушка передала ему письмо для сьера Денела и попросила разрешения дождаться ответа.

Вскоре где-то в глубине дома раздались быстрые частые шаги: это сам молодой хозяин сбегал вниз по лестнице. Одетый в домашнюю сине-серую куртку и суконные штаны сьер Денел выглядел проще, чем все у него в доме: эти вазы, роскошные подсвечники, натертые полы и картины в тяжелых рамах. Его худощавое лицо с твердым подбородком, густые темные брови, живые серые глаза, чуть приподнятый нос – вместе и мужественное, и мальчишеское – заставило Гвендис слегка улыбнуться. Сьер Денел между тем был серьезен. Он заверил, что помнит об оказанной ему неоценимой услуге и готов быть полезен своей гостье настолько, насколько это в его силах.

Гвендис облегченно вздохнула. Она не надеялась, что все пойдет так хорошо. Рыцарь Денел пригласил ее подняться в его личный покой. Гвендис была осторожна: она сказала только, что дала поесть незнакомому бродяге, а спустя чуть больше недели он подарил ей ограненный прозрачный камень, похожий на драгоценный.

– Дайк нашел этот камень. Если самоцвет настоящий, я бы хотела получить награду за находку. Я надеялась, что в память о моем отце я могу попросить помощи у тебя, сьер Денел. У меня нет близких родственников.

– Законы у нас суровые, это правда, – подтвердил сьер Денел. – Дайк простолюдин, и веры ему на слово никто не даст. Да, его ждала бы тюрьма и допросы. Это справедливо по отношению к таким, как он: простонародье приходится держать в узде, хотя, признаюсь, тут мало милосердия. Иными словами, госпожа Гвендис, я сам готов выяснить, насколько честен этот Дайк. Коль скоро он не вор, я уверен: мне хватит влияния избавить его от допросов.

– Сьер Денел, – замаялась Гвендис. – Я прошу тебя поклясться, что ты никому не расскажешь про Дайка, даже если не сумеешь выяснить, откуда он взял камень.

Рыцарь удивленно вскинул брови. Гвендис поспешила объяснить:

– Дайк... он не в ясном рассудке. Ему трудно различать сон и явь.

– Тогда я понимаю, госпожа Гвендис, почему тебя так пугает законное дознание, – покачал головой сьер Денел. – Дело для бедняги наверняка кончится тюрьмой или ошейником в благотворительной больнице. У тебя доброе сердце, госпожа. Я дам клятву с одной оговоркой.

Гвендис насторожилась.

– Я дам клятву на Священном писании хранить в тайне все, что мне станет известно, – предложил сьер Денел, – при том условии, что приобретение камня этим бродягой не нарушает ничьего права собственности.

Гвендис помолчала, раздумывая.

– Ведь если Дайк нашел самоцвет, а теперь мы хотим вернуть его владельцу...

– То вы поступаете по закону, – успокоил сьер Денел.

Он взял с особой полочки Писание в усыпанной мелким жемчугом кожаной обложке и, почтительно поцеловав книгу, повторил слова клятвы.

– Я хочу увидеть бриллиант и заодно взглянуть на этого диковинного бродягу, – сказал сьер Денел.

– Камень у меня дома, – ответила Гвендис.

Сьер Денел приказал запрягать коляску.

Вскоре Гвендис уже пропустила гостя через ветхую калитку своего сада. Молодой рыцарь в плаще-накидке с каймой, скрепленном на правом плече блестящей застежкой, поднялся вслед за ней по скрипучей лестнице старого дома.

Забравшись на стремянку в библиотеке, Гвендис сняла с полки одну из толстых книг и достала из-за нее камень, завернутый в платок.

– Отец так хранил ценные вещи, – объяснила она сьеру Денелу. – Ведь никто не знает, за какой именно книгой во втором ряду пустое место.

Она быстро спустилась вниз и подала камень рыцарю. Самоцвет мерцал в неярких отблесках очага, казалось, это он сам светится в полутемной комнате. Денел быстро шагнул к камину, где было светлее, поднес камень к глазам, поворачивая так и этак. Пламя отразилось в прозрачной глубине бриллианта.

– Госпожа Гвендис!.. – У сьера Денела перехватило голос. – Мне кажется, или он действительно голубого цвета?

– Он голубой.

Сьер Денел молча смотрел на живое мерцание камня. Наконец он вернул девушке бриллиант.

Самоцвет Дайка поразил молодого рыцаря. Внешне сьеру Денелу удалось себя обуздать, но в душе он совершенно уверился, что имеет дело с чудом. Должно быть, самоцвет – потерянное наследие древних королей Анвардена. Камень стоил несметных денег. Даже третья часть его стоимости – целое состояние. И этот бесценный бриллиант бродяга дарит своей благодетельнице за миску похлебки!

Сьер Денел попросил Гвендис позвать в библиотеку самого Дайка. Пока она ходила за ним, рыцарь успел подумать, что Дайк – не обычный лжец. Владей кто-нибудь из лордов таким редкостным камнем, сьер Денел слышал бы об этом, а уж кража подобной драгоценности наделала бы шуму. Да и крадут такие вещи обычно ловкие молодцы, а не бродяги, которые ждут под дверями миску похлебки. Тут была какая-то загадка, и сьер Денел обрадовался, что согласился помочь Гвендис. Приключение взволновало его.

Дайк вошел в библиотеку и остановился на краю освещенного пятка у камина. Рыцарь пристально посмотрел в его покрытое грубым загаром лицо. Бродяга молчал, углы рта у него были опущены.

– Почему ты не взял камень себе? – спросил сьер Денел.

– Потому что я нашел его не для себя.

Сьер Денел почувствовал беспокойство. В этом человеке ему чудилось что-то знакомое. Неужели он уже видел его?

подавив это странное ощущение, сьер Денел стал расспрашивать бродягу. Гвендис сказала правду: парень путает явь и сон. Дайк утверждал, что нашел самоцвет потому, что видел тайник во сне. Еще диковиннее был его рассказ о падших небожителях. Сьер Денел внимательно слушал, но непонятное ощущение, что он когда-то раньше встречал этого человека, не давало рыцарю покоя. Наконец он не выдержал:

– Ты разрешишь мне кое-что проверить, Дайк?

– Да, сударь, – без выражения уронил бродяга.

Сьер Денел вынул из ножен меч и сунул рукоять в широкую ладонь Дайка:

– Возьми. А теперь попробуй замахнуться мечом. Сделай вид, будто ты хочешь ударить кого-то. Просто встань, как тебе удобно, и ударь.

Дайк как столб стоял перед ним с опущенным клинком, и во взгляде его читалось только непонимание.

– Замахнись мечом, – требовал сьер Денел. – Представь, что перед тобой стоит враг, и ударь его.

«Только бы он не полоснул себя же по колену», – тут же встревоженно мелькнуло у молодого рыцаря. Но Дайк послушно принял позу человека, который колет дрова: расставил ноги, замахнулся мечом и по прямой опустил его сверху вниз.

Сьер Денел с облегчением рассмеялся:

– Да... Похоже, ты никогда не держал в руках оружия.

– Сьер Денел! – Гвендис встала со своего кресала. – Зачем ты это делаешь?

Рыцарь поколебался, но сказал:

– Он напомнил мне кое-кого. Но я знал этого человека давно и недолго... – Сьер Денел опять пытливо взглянул на Дайка. – Имя Гойдемира из Даргорода тебе ни о чем не говорит?

Тот нахмурился:

– Нет...

Сьер Денел кивнул головой:

– Что ж. Я так и думал.

Лет шесть назад сьеру Денелу пришлось путешествовать по делам королевской службы. В ожидании судна ему предстояло провести ночь в портовой гостинице. Увидев рыцаря короны, хозяин стал сетовать, что последнюю отдельную комнату недавно занял путник из Даргорода по имени Гойдемир: «Ну да я спроважу его, господин рыцарь: невелика птица!» Но сьер Денел счел это несправедливым и просто попросил разрешения переночевать вместе с путником.

Одетый на западный лад, в короткой перепоясанной синим шнурком блузе и черных штанах, путешественник-северянин имел одно дело, которое должно было занять у него весь вечер. Нынче пришло осеннее равноденствие – праздник Ярвенны, небесной вестницы, покровительницы Даргорода. В это время на его лесной родине зажигают огонь и просят, чтобы она провела свой народ через долгую темную зиму, сохранила озимые посевы, скот и тепло в домах.

Гойдемир расстелил на столе белый платок, для украшения устлал пожелтевшими осенними листьями, снял с шеи образок и уложил на самодельный алтарь. Теперь пора было зажечь каганец. Гойдемир угрюмо нахмурился от охватившего его сиротливого чувства. Для него некому было зажечь огонь. Это должна была сделать женщина: мать, жена или хотя бы сестра. В Даргороде вдовцы звали в таких случаях соседку. Но в чужом краю Гойдемиру некого было попросить это сделать.

Однако ему было известно: в дороге человек поступает под покровительство Ярвенны Путеводительницы. Он вправе сам зажигать в равноденствие ее каганец. Гойдемир достал из дорожного мешка кремень и огниво, раздул трут и засветил фитилек.

– Проводи меня, предивная Ярвенна, невредимым через холод и мрак.

На столе стоял кувшин с вином и оловянная кружка. На праздниках глава семьи посвящал Ярвенне чашу: поднимал ее над образом, семья кланялась, а чашу пускали по кругу. Гойдемир наполнил кружку вином, подержал ее в воздухе и выпил один, стоя.

– Даруй мне радость в темные зимние дни.

Ему полагалось поднести «даргородской хозяйке», как называл ее простой народ, хлеб из недавно смолотой муки, яблоки и горсть рябины – и сказать:

– Прими от меня последние плоды этого года, да доживу до времени новых плодов!

Гойдемир вздохнул. Вино не развеселило его, а только разбередило воспоминание о родине. Он достал хлеб и яблоки, которые нынче купил на базаре, чтобы поднести Ярвенне, но обряд прервал стук в дверь и оклик хозяина.

Узнав, что путник-вард простит разрешения ночевать с ним в одном покое, Гойдемир ответил:

– Скажи: милости прошу.

Совершая поклонение Путеводительнице, не мог же он в это самое время отказать в просьбе путнику!

Но обряд был нарушен. Гойдемир молча положил яблоки и хлеб около образа. Даргородец не хотел прятать образок Ярвенны и гасить против всех обычаев каганец с осенним огнем. Не стыдится же он своей «хозяйки», что остерегается, как бы его не застали с ней чужие глаза!

По шаткой лесенке в комнату поднялся белобрысый вард и в недоумении остановился в дверях.

– Добрый вечер, путник, – сказал ему Гойдемир. – Я молился. Позволь, пусть каганец постоит перед образом, пока не догорит.

Но вард учтиво ответил:

– Я не хотел мешать твоей молитве. Сейчас я уйду и вернусь позже, когда ты закончишь.

Он закрыл за собой дверь, и раздались его шаги вниз по лестнице. Гойдемир в благодарность тихо сказал ему вслед:

– Благослови его, Ярвенна, он тоже в странствии.

Гойдемир закончил приношение осенних даров даргородской хозяйке, сказал все нужные слова, и обряд был завершен. Теперь наступила пора праздничного пира. В одиночку – какая это пирушка? Но нельзя было не почтить Ярвенну, не накрыть ради нее стол. Зато теперь Гойдемир ожидал возвращения рыцаря, чтобы позвать его отведать своего угощения. Он убрал со стола образок и разложил припасы: здоровенный кусок ветчины, каравай хлеба и десяток яблок.

Наконец вернулся и молодой рыцарь. Они с Гойдемиром назвали друг друга.

– Отведай со мной дорожного хлеба, – стал приглашать Гойдемир. – Ты мой гость. Сегодня праздник небожительницы Ярвенны, это трапеза в ее честь.

– Благодарю, – отозвался сьер Денел. – Вера не позволяет мне разделить языческую трапезу.

– Как же ты зовешь поклонение дивной, пресветлой Ярвенне язычеством? – с обидой спросил глубоко задетый Гойдемир. – Через вестников Вседержитель дает людям знать свою волю. Неужто ты думаешь, что мы отвергаем Вседержителя, когда чтим небожительницу Ярвенну?

– Да, отвергаете, – спокойно ответил Денел. – В некоторых землеописаниях Даргорода говорится, что вы забыли о Вседержителе и поклоняетесь богине-матери. Я знаю, что это ошибка, потому что занимался этой наукой. И все же вы чтите свою Эрвенн выше единого Творца. Вы приносите ей жертвы, как в диком и темном прошлом приносили жертвы пням на лесных полянах, делаете ее изображения, как делали идолов, вымышляете обряды, которых нет в писаниях, и подносите ей плоды и цветы. Когда до вас донеслась весть об истине, вы внешне приняли ее, а по духу остались язычниками. Вот почему – ты сам видишь – я не могу есть вместе с тобой эту пищу. – Вард указал на стол. – Она посвящена тобой твоей богине и лишена благодати Вседержителя.

У Гойдемира заныло сердце, как по возлюбленной: сьер Денел увидел, что он даже прижал руку к груди.

– Пища Ярвенны лишена благодати! – воскликнул он. – И это потому, что мы любим ее и поклоняемся ей больше, чем того требуют священные книги?

– Добавь, что она для вас превыше Творца, северянин, и ты выскажешься до конца, – подсказал рыцарь.

– Так, по-твоему, и весь Даргород лишен благодати, раз чтит Ярвенну как свою хозяйку и мать? – с нажимом спросил Гойдемир.

Но вард не смутился.

– Хочешь услышать от меня одобрение идолопоклонству? Все, что я могу сказать: вы еще не научились чтить Вседержителя, вас не спасет и обожествление одной из его вестниц. Живите во тьме и в глуши, кланяйтесь доске – таков и будет ваш удел среди прочих народов.

Гойдемир встал из-за стола.

– Ну, ладно. Хулу на Ярвенну я даром не спущу, поэтому давай с тобой биться.

Сьер Денел из Анвардена окинул богатыря-северянина любопытным взглядом:

– Ты равен мне родом?

– Да, я из старинного рода, – произнес даргородец. – У меня есть и меч, и доспех, и я знаю порядок честного поединка.

– Хорошо, – кивнул сьер Денел. – У меня нет оснований тебе не верить. Ты не похож на простолюдина, хотя, сдается мне, заражен суевериями вашего северного простонародья. Но если ты хочешь драться, давай не будем откладывать. Облачайся в доспехи – и пойдем.

– Пойдем, – сказал Гойдемир. – Или лучше откажись от своих слов, рыцарь. Не нравятся – не ешь со мной, но подтверди, что Ярвенна – дивная и прекрасная хозяйка Даргорода. Не твоей же страны! – с явно просительной ноткой добавил северянин.

– Лучше бы ты принес своему народу истинную веру, чем потакать суевериям черни, – отрицательно покачал головой рыцарь.

Оба поединщика вышли на задний двор гостиницы. Даже если бы их и увидел с улицы случайный прохожий, все равно не осмелился бы помешать. Неприятели встали друг против друга. Сьер Денел отдал приветствие мечом, Гойдемир поклонился – каждый на свой лад. Поединок начали осторожно: кто его знает, какие хитрые извороты припасены у чужака. Они то сходились, пробуя защиту друг друга, то отшатывались подальше. Наконец первая жесткая сшибка: Гойдемир нанес, а сьер Денел отбил удар, в ответ перешел в нападение, но северянин спасся быстрым уходом вбок.

Перед началом схватки Гойдемир спросил варда: «Как дерутся по вашим правилам?» Рыцарь ответил: «Не следует наносить удары ногой или безоружной рукой, потому что так дерется уличный сброд, и это не подобает в поединке благородному человеку». Правило немного стесняло Гойдемира. Северяне, носящие тяжелую одежду и сапоги, умеют обходиться без ударов ногами, но то, что нельзя свободной рукой ни удержать, ни ударить соперника, было неудобно даргородцу.

Меч варда обрушился на Гойдемира рубящим ударом наискосок. Даргородец уклонился, поймал его клинок внизу, отбросил в сторону. Его собственный меч рванулся вверх по дуге. Был миг, когда его рука находилась на уровне виска противника почти горизонтально, обращенная ему в висок наверху меча. Тогда, вместо того чтобы занести клинок для верхнего удара, Гойдемир хватил варда наверху.

Конический шлем, украшенный гравировкой и позолотой, хоть и защитил голову рыцаря, но вард был оглушен. Он опустил руки, качнулся. Гойдемир отступил на шаг и быстро приставил острие меча к его горлу.

– Все, кончено дело!

Сьер Денел снова качнулся, помотал головой.

– Правила вынуждают меня признать твою победу, северянин. Этот удар был все-таки нанесен вооруженной рукой... хотя... – Он зажмурился от головокружения. – Хотя я, конечно, не ожидал такого.

Гойдемир убрал от него свой клинок.

– По условию поединка, я признаю небожительницу Эрвенн дивной и прекрасной хозяйкой твоего народа, – ровным голосом закончил Денел.

– Угу... – обронил Гойдемир. – Тогда и я доволен.

Сьер Денел не догадывался, что на самом деле даргородец расстроен едва ли не больше его самого. Поклоняясь Путеводительнице, Гойдемир подрался с путником; в день осеннего равноденствия затеял ссору. Он наизусть знал поучение Ярвенны, которое в Даргороде называется «праздничным»:

«На праздниках бои пусть у вас будут для потехи, а не для раздора. С кем ты в ссоре, с тем помирись перед игрищами, и тогда, если пойдешь биться с ним, состязайтесь как братья и друзья, а не как недруги. Когда веселишь себя вином, не давай вину помрачить твой разум и не становись буйным, не задевай соседа и родича, сидящего рядом, обидными словами и сам не впадай во гнев, чтобы не было между вами раздора».

Даргородец и рыцарь-вард вернулись в гостиницу молча. Гойдемир наскоро поужинал, уже не приглашая Денела разделить с собой хлеб, и нарочно раньше лег спать, отвернувшись к стене. Денел тоже поел один и, исходя из того, что комната не была рассчитана на двух постояльцев, лег на ту же кровать.

Только рассвет наконец избавил невольных товарищей по ночлегу друг от друга. Они наскоро простились и разошлись, выбросив из головы эту встречу.

Едва сьер Денел увидел Дайка в доме Гвендис, ему припомнился молодой даргородец. Но особой уверенности рыцарь не чувствовал. У Гойдемира было простое лицо без особых примет.

– Скажи, Дайк, ты в самом деле уверен, что эта драгоценность принадлежала падшим небожителями? – обратился сьер Денел к стоявшему перед ним бродяге.

– Да, – подтвердил Дайк.

Он стоял, уронив руки и чуть сутулясь. «Ясновидящий? – размышлял сьер Денел. – Во сне ему было указано место, где хранится сокровище. Но что это за выдумка о древних небожителях, которые жили на земле?! Этого нет в Священном писании. Это не противоречит писанию, но и не подтверждается в нем... Что же делать? – Рыцарь попытался собраться с мыслями. – Драгоценный камень, который небожители принесли в Обитаемый мир с небес! Смертные не имеют право владеть им, его нужно передать церкви. Но чего стоит свидетельство потерявшего память бродяги? Нельзя же вдруг объявить, что через сны полоумного Дайка нам открылась великая реликвия... Для начала надо показать камень надежному оценщику, как бы не оказался подделкой».

– Хорошо, Дайк, пока иди, – рассеянно сказал сьер Денел. – Когда ты понадобишься, я тебя позову.

Дайк без единого слова вышел.

– Вот что, госпожа Гвендис, – произнес рыцарь. – Для тебя этот бриллиант – лишь драгоценная находка, третью часть стоимости которой ты вправе получить. Но с камнем связана какая-то загадка. Я хочу попросить тебя об одолжении. Я собираюсь взять камень к себе на хранение прямо сейчас. Взамен я готов выплачивать некоторую сумму, о которой мы договоримся. Согласна ли ты, госпожа?

Гвендис кивнула:

– Я согласна, сьер Денел. Я только рада. Мне не нужно много денег, но хотелось бы побыстрее. Я боялась, что дело затянется надолго.

«Так многого не хватает, – одновременно думала она. – Даже дров. Дайк болен. Надо будет купить мяса на рынке. Да, не забыть про свечи...»

Сьер Денел описал ей условия договора, но Гвендис с задумчивой улыбкой уже погрузилась в мысли о том, чего не хватает и чем надо будет обзавестись, чтобы завести уют в своем просторном, холодном доме.

В ту ночь Дайк снова видел во сне небожителя Дасава.

Все деревянное поселение Белгеста стояло на поляне у лесного озера. Сразу за частокотом темнел густой еловый лес.

Дасава сидел за столом на лавке, а немолодая женщина в вышитой длинной до пят рубахе наливала ему похлебку. Седые волосы женщины были перехвачены на лбу вытканной из шести цветных нитей узорной повязкой. Хозяйка выставила на стол несколько мисок с угощением.

Дасава с интересом смотрел на человеческую пищу. Небожители не ели ни грибов, ни лесных ягод. В Сатре питались тем, что можно было посеять и вырастить самим в черте своего «чистого» царства, без соприкосновения с землей Обитаемого мира.

– Ешь, Деслав, – напомнил Белгест, который сам после шатания по болоту живо взялся за ложку.

Дасава не понимал, что делает. Взяв деревянную ложку, небожитель стал есть с человеком за одним столом его оскверненную пищу. Обычай Сатры строго запрещал ему это. Для воинов, как Дасава, которым приходится уходить на разведку и на войну в мир, существовали особые послабления в соблюдении законов. Добытую в походе «нечистую» пищу небожитель мог брать особыми рукавицами и, приготовив, после еды непременно закусить хлебом, испеченным из «чистого» зерна. Эти высушенные хлебцы небожители брали с собой в особой суме, которую Дасава не сберег на болоте.

Теперь он держал ложку голой рукой и ел ту же похлебку, что Белгест, сам не веря, что решился на это.

Но в доме Белгеста после избавления от смерти Дасава чувствовал себя недавно родившимся ребенком, а охотник и его мать, опекавшие его, казались надежными и уверенными взрослыми.

Женщина дала Дасаве холщовую рубашку Белгеста, а тонкую белую рубаху Дасава, запачканную болотной жижей, отдала синеглазой девушке с льняными волосами. На шее у девушки висело ожерелье из ягод, много таких же деревянных оберегов, как у Белгеста, и даже коготь дикого зверя.

– На озеро отнесет стирать. Вельта, дочка моей сестры, – пояснила хозяйка.

Девушка бросила взгляд на Дасава и молча вышла.

«Одежда все равно осквернена, ее нельзя будет носить», – хотел сказать Дасава, но тут же осекся. Женщина не поймет почему. Да и сам он уже надел «нечистую» одежду людей из грубой пряжи.

Дасава знал, что за самые страшные преступления небожителей наказывали так: их не убивали, а просто изгоняли из Сатры. Ступив на землю Обитаемого мира без благословения священников, преступник становился оскверненным, приравнивался к «говорящим зверям» – людям, и тогда его убивали стрелой со Стены. Он позорно умирал человеком.

«Меня теперь тоже?..» – думал Дасава. Но ему было хорошо у теплого очага, которому, прежде чем зажечь, кланялась мать Белгеста и в котором горело какое-то лесное растение, наполняя дом диким, необычным, но приятным запахом.

– Какое это дерево? – кивнул Дасава на очаг.

Он понимал все, что ему говорит Белгест, и сам, хотя с некоторым трудом, мог объясняться. Язык людей был лишь изменившимся языком небожителей, с тех пор как люди расселились по материку и прижились в Обитаемом мире.

– Это можжевательник. У вас такой не растет? – Белгест удивился. – Ты пришел издалека.

Дасава кивнул.

– С запада.

– А что там, на западе?

– Бисмасатра.

– А зачем ты носишь одежду из железа? Неудобно охотиться, жарко, тяжело. Зачем вы сюда пришли? – спрашивал Белгест. – Хотите поселиться здесь? А как зовется твой род?

– Мой род – Санейяти.

– А мой – род Оленя. Оставайся с нами, сколько хочешь.

Дасава покачал головой: нет.

Дасава ходил, слушал и говорил, как во сне. То ему казалось, что это все не взаправду, и поэтому все можно – есть оскверненную пищу, спать в доме людей и носить «нечистую» холщовую рубаху. А иногда мерещилось, что, может быть, не взаправду были прежние годы, и никакой Бисмасатры нет, а есть только затерянный в лесах клочок земли, на котором живет род Оленя.

Небожитель вышел во двор. Несколько домов – низких полуземлянок, и две бревенчатые длинные постройки. Еще две избы на отшибе, за частоколом.

– Там живет кузнец, – показал Белгест на один из них. – А там – шаманка, к лесу ближе. Матери моей тетка. Вельта – ее внучка, та девушка, что стирала твою рубашку.

– Шаманка – это лекарь? – спросил Дасава, рассеянно оглядывая двор, на котором разлеглась стая мохнатых серых собак. Он вспомнил: когда Белгест едва ли не на себе приволок его в поселение, они пытались обляять его, но им велели молчать.

– Шаманка и лекарка – и травы знает лучше прочих, и лес понимает лучше, – сказал Белгест. – У ней отец был дубровник.

– Вы породнились с земнородными? – изумился Дасава.

Он снова вспомнил о земнородных: лесовицах, полевицах, дубровниках, о порожденных Обитаемым миром существах, подобных людям. Они не были творениями Вседержителя, поэтому родство с ними казалось Дасава кощунством для потомков небесного народа.

Но Белгест просто ответил:

– Да.

– А это – волки? – кивнул он на серых собак.

– Собаки. Но с волками водятся, приносят щенят. Вот этот помет, – он кивнул на клубок играющих щенков, – от волка. И тот пес – наполовину волк. Тут всех и не упомнишь, сколько в ком какой крови.

Солнце над еловым лесом уже клонилось к закату.

– Вам не страшно... тут жить? – вырвалось у Дасавы.

Белгест удивленно посмотрел на него:

– Отчего?

– Вы смешались со всем этим... – Дасава обвел рукой траву и лесные деревья. – Вы сделали частью этого мира! Вы больше никогда не станете такими, какими вас создал Творец!

Белгест не понял:

– Творец? А я думал, люди тоже были земнородными.

Дасава хотел сказать о Вседержителе, но вдруг понял, что ему не поверят и не поймут. Этим людям и в самом деле уже не стать такими, какими Создатель хотел их видеть.

Они – часть Обитаемого мира. Вот почему сатрийцы зовут их «нечистыми» и «говорящими зверьми», хотя происходят из одной разделившейся ветви падших небожителей... Дасава вздохнул, осознав, какая пропасть лежит между ними: верность Вседержителю и полная чуждость ему...

Они с Белгестом вышли за частокол и сели на опушке в густую траву. Над головой пролетали жуки. В воздухе пахло нагретой за день хвоей.

– Мы помянем твоих братьев, которые сгинули в топях, – наконец заговорил Белгест. – На тризне наши женщины зажгут огонь, чтобы им светло было на посмертной дороге. Они погибли на нашей земле, беда, что мы их не спасли.

– На какой дороге? – Дасава очнулся от своих мыслей.

«Там нет никакой дороги», – подумал он. Там было только Подземье, которое в гневе за их ослушание сотворил Вседержитель. Дасава называл это место Ависмасатрой, люди – владениями Князя Тьмы.

Из-за ели показалась девушка в сером одеянии, рыжая, почти ярко-красная, со светло-карими глазами. Белгест улыбнулся, сделал знак Дасаве – приложил палец к губам: тс-с... Дасава замер. Лесной человек пошарил в мешочке на поясе – нашел вытканную из трех цветных нитей ленту, бесшумно встал, подошел ближе к девушке и положил перед ней на траву. Девушка молча взяла и исчезла вместе с лентой.

«Земнородная, не человек!» – понял Дасава.

– Осинница, – тихо сказал, улыбаясь, Белгест. – Хороший осинник у них, подосиновиков тьма.

На другой день Белгест сводил Дасава на озеро и показал, как ловят рыбу. Человек закинул донки и ждал. Одежда Дасавы пропахла дымом, сапоги, которые дал ему Белгест, намочили от росы. Но небожитель чувствовал, что ему непривычно легко. Пока они шли по лесу, ветки касались его лица и плеч, словно мир хотел дотянуться до Дасавы. Когда пришли к озеру, Белгест снял обувь и закатал штаны.

– И ты бы так сделал, – кивнул он Дасаве.

Но тот не мог заставить себя ступить на землю босыми ногами.

Закинув донки, Белгест повесил ленту на гибкую ветку ивы, которая клонилась над водой.

Вчера Дасава заметил, как парень, входя дом, поклонился высокому, узкому деревянному столбику в углу. Столбик был тоже украшен лентами и венками из лесных и луговых цветов, а на блюде возле него лежали лесные плоды.

В другой раз Белгест поклонился и огню в очаге. В третий раз поклонился своей матери, коснувшись рукой края ее подола.

На рыбалке Дасава спросил:

– Белгест, скажи мне... Кто же все-таки твое божество? Твоя мать? Огонь? Тот идол в углу дома? Дерево, что ты повязал лентой?

Тем временем какое-то существо с большими глазами цвета озерной воды, с длинными волосами – Дасава только успел увидеть, что это женщина, – на миг показалось в ракитнике и сняло ленту с ветки. Озерная обитательница сразу же исчезла в камышах. Дасава вздрогнул от неожиданности.

– Озерница, – довольно сказал Белгест. – Она нам рыбы сейчас нагонит.

«Этот мир чужд и непонятен нам. Он живет своей жизнью. Люди полюбили его... Поможет ли им их детская вера?» – думал Дасава.

– Земля-мать, вот кому я кланяюсь, – улыбнулся Белгест.

Тут пришла Вельта. На поясе у нее был короб из бересты.

Дасава сидел, обхватив руками колени. Он пытался сосредоточиться, обратиться к своей силе небожителя, но не мог – да и понимал, что сейчас попал туда, где тверда власть совсем других сил.

– Деслав, – сказала Вельта, застенчиво улыбнувшись. – Хочешь земляники?

Она села рядом с Дасавой. Ему подумалось: как хорошо, что я жив! Небожитель вздохнул полной грудью и радостно улынулся.

Вельта протянула туесок.

– Возьми.

Ее волосы свободно спадали до пояса. Дасава посмотрел на деревянные дощечки на шнурках у нее на груди.

– А что это? – спросил он.

– Это мои обереги, – серьезно сказала Вельта.

– А почему колесо?

– Знак солнца... и это тоже солнце, а вот это – огонь, – показывала девушка. – А у тебя какие? – Она кивком указала на мешочек, который висел у Дасава на поясе. В мешочке лежал драгоценный камень, сердце будущей Дасавасатры. Пока среди болот и дебрей севера Дасава не нашел подходящего места для него. Ему стало не по себе. Почему-то захотелось завезти камень как можно дальше от этих краев...

– Мой... оберег, – выговорил он незнакомое слово, – нельзя видеть.

– А, понимаю, – серьезно сказала Вельта. – Но пока ты ходишь по нашим краям, тебе нужен здешний оберег.

Она сняла с себя солнечный знак, похожий на цветок из множества лепестков, и повесила Дасаве на шею.

– Спасибо, Вельта.

Дасава ел землянику и слушал о предосторожностях, которым учила его девушка, об опасностях, подстерегающих одинокого охотника без оберега. У Вельты были немного печальные, глубокие синие глаза. «Это – не вправду. Или то было не вправду», – отгонял Дасава мысли о Сатре.

– Где ты взял такую рубаху? – спросила Вельта. – Такую тонкую нитку даже и не спрядешь. Это из чего же пряжа?

– Не знаю, Вельта, – сказал Дасава. – Я-то ведь не умею прясть!

– И вышивка какая, – сказала Вельта, рассматривая тонкий, вышитый золотой нитью узор на рукаве его рубашки. Она приложила для сравнения к его рукаву свой собственный широкий рукав, по краю которого тоже вились, переплетаясь, причудливые знаки – красная и зеленая нить по серому холсту.

На тонкой руке у нее Дасава заметил деревянный браслет. Обереги, браслеты – на Вельте все это было так естественно, как листва на дереве. Сам Дасава носил на пальце лишь тонкое кольцо из белого золота.

Белгест подсек рыбу. Теперь он вываживал ее с уверенным и сосредоточенным лицом, все время держа в напряжении дрожащую лесу. Через несколько мгновений борьбы он подвел рыбу к берегу и, нагнувшись, ловко схватил ее за жабры.

Вельта радостно засмеялась, Белгест тоже. Дасава с внезапной грустью смотрел на них, вспомнив, как мало живут люди. Ему самому минуло полсотни лет, а он казался не старше Белгеста. «Этой весной Белгест будет жить на свете уже девятнадцать лет», – недавно сказала Вельта, которая сама была на четыре года его моложе.

Уже стемнело – Белгест рыбачил по вечерней зорьке. Над елями вспыхнули огромные звезды. Во тьме вокруг небожителя и двоих людей стали виться крупные бабочки, у которых на мохнатом тельце и крыльях светилась пыльца. Это были ночницы, две-три из них сели на волосы Вельты, словно нарочно, чтобы украсить ее собой...

Дайк выздоравливал. Он дремал в кресле у теплого камина, пил лекарства и травяные отвары, приготовленные Гвендис, и рассказывал ей свои сны.

Гвендис переживала радость первого ощущения уюта, первого душистого запаха мяса в похлебке, первой ночи в хорошо натопленной комнате. В доме появились свечи в старых бронзовых подсвечниках, которые до сих пор пылились на чердаке. Стол Гвендис покрыла новой скатертью, купленной у мастерицы в лавке. Утром после завтрака Дайк смотрел, как она составляет список покупок на сегодня. Братъ прислугу Гвендис не торопилась и в конце концов наняла только садовника: одичавший сад почти поглотил дом.

В холодный солнечный день сьер Денел подошел к калитке Гвендис. Рыцарь все еще размышлял о снах Дайка. Голубой самоцвет не оказался подделкой. У оценщика глаза сделались величиной с блюдце, когда он увидел это чудо.

Значит, Вседержитель пожелал, чтобы вместо своей жалкой человеческой памяти Дайк обрел знание о падших небожителях – может быть, в назидание людям, может, ради чего иного? Дайк стал орудием, живыми скрижалями. «Надо понять, ради каких высших целей это могло с ним случиться?» – думал сьер Денел.

От калитки через сад вела дорожка. Она совсем недавно была выложена камнем. Коренастый седой человек спиливал сухие ветви на яблоне. В той части сада, что окружала дом, уже воцарился порядок. Бурьян, в котором еще недавно утопал весь сад, на этом клочке был выведен, земля перекопана в ожидании зимы. Чуть подальше шумели буйные заросли одичавших роз, из них доносились лязгающие звуки садовых ножниц. Кто-то прореживал кусты.

Увидев важного господина, старик поклонился.

– Ты кто? – с удивлением спросил сьер Денел.

– Садовник, сударь. Молодая хозяйка наняла.

– Вот как? Много работы, – отметил рыцарь.

– Что много, то много, – подтвердил садовник. – Молодая хозяйка хорошая, а сад запустила. Что чащоба, заблудиться впору. Очень запустила.

Лязг ножниц в зарослях прекратился, и кусты затрещали – кто-то шел к дому.

– Одному тут не справиться, – продолжал садовник. – Но, спасибо, хозяйка дала помощника. Хороший парень, старается. Быстро управимся.

Из зарослей вышел Дайк с огромной охапкой сухих веток.

– Вот он, – с довольным видом кивнул на парня садовник. – Дайк, неси все в ту кучу.

Дайк понес сухие ветви за дом и, пока сьер Денел осматривал ухоженную часть сада, вернулся, отряхивая руки.

– Добрый день, сьер рыцарь.

– Добрый день, Дайк, – сказал сьер Денел. – Я пришел с тобой поговорить.

Дайк пошел впереди рыцаря в дом. Пол и ступени знакомо поскрипывали.

– А где госпожа Гвендис? – спросил сьер Денел.

– Ушла на рынок, скоро вернется, – ответил Дайк.

Он проводил рыцаря в библиотеку. Сьер Денел опустился в высокое деревянное кресло, велел Дайку:

– Подойди ближе, – и продолжал: – Итак, ты нашел бриллиант, потому что видел во сне тайник?

Дайк еще раз коротко рассказал, как добыл драгоценный камень.

Сьер Денел одобритительно кивнул:

– А сам этот... ларец и бриллиант? Они были в твоих руках точно такие, как во сне?

Дайк подтвердил.

– Значит, ты мог бы найти любое место из твоих снов и любую вещь?

– Я думаю, – подтвердил Дайк. – Конечно, если место не ушло под воду и если вещь до сих пор там лежит.

– А ты бываешь в твоих снах только здесь, на земле Анвардена?

Дайк мотнул головой.

– Я много что вижу... Здесь – Бисмасатра. На севере, наверно, будет Дасавасатра. Ее собираются строить. – Дайк понял, что оговорился, и растерянно объяснил: – То бишь... Когда во сне я вижу Дасаву Санейяти, он собирается ее строить... А их главная Сатра далеко...

– Ты, я смотрю, говоришь на языке небожителей? – усмехнулся Денел. – Все эти имена и названия...

Дайк только повел широким плечом – мол, лучше бы я не говорил на нем.

– И если бы, к примеру, тебе дали корабль, лошадей, охрану, ты нашел бы, где были эти древние поселения? Ты помнишь их?

– Да... помню. Я бы смог проехать путем Дасавы до поселения племени Белгеста.

Денел насторожился:

– А туда, где было главное государство небожителей? В Сатру? – продолжал расспрашивать он.

Дайк утвердительно кивнул.

У Денела забилося сердце.

– А что было там?

– Там они сотни лет живут... жили... за такой... – Дайк показал руками, – большой Стеной, чтобы отделить свою землю от всего мира. У них были сокровища и светло-серые кони с белыми копытами. Небожители привели их с собой из небесного края. Они много чего принесли оттуда: украшения, ткани, оружие... Не такое оружие, с которым потом ездили воевать сюда. То ржавело от крови. А небесное хранилось в память о славных предках, которые теперь правят Ависмасатрой... брошены в Подземье, вот что я хочу сказать. Оружие, выкованное еще до Ратваханы... до Сошествия небожителей с небес, – перевел сам себя Дайк и закрыл глаза, вспоминая блеск и сверкание небесных драгоценностей.

Денел молча слушал. Так он и предполагал еще до этого разговора... Выслушав Дайка, рыцарь стал прощаться. Ему нужно было обдумать, как следует распорядиться этим необыкновенным даром.

* * *

После завтрака Гвендис перемыла в миске посуду, вытерла полотенцем.

– Я на рынок, Дайк, – сказала она, сняв с кресла свою шаль и накинув на плечи. – Не скучай, скоро вернусь.

Дайк послушал, как она легко сбежала по скрипучей лестнице, и пошел работать в сад.

Как раз в тот день приходил сьер Денел. Когда вернулась Гвендис, Дайк рассказал ей об этом.

– Чего он хочет? – удивилась девушка. – Чтобы ты привел его в Сатру?

– Я не поведу его в Сатру, – вдруг сказал Дайк. – Рыцарь Денел спрашивал про драгоценный камень, как я его нашел и могу ли еще находить такие вещи. Должно быть, он хочет, чтобы я нашел сокровища для его короля.

Гвендис обеспокоенно молчала. Глаза Дайка вдруг хмуро блеснули.

– Но я никому ничего не скажу о Сатре. Да, я сумел бы найти туда дорогу. И да, там были сокровища. Но они никогда не попадут в сокровищницы анварденской знати.

До сих пор Дайк не мог себе представить, чтобы кто-нибудь из знатных господ в чем-то от него зависел. Именно поэтому Дайк в благотворительной больнице или среди пустых

бочек гавани совсем не задумывался о них. Но неожиданно оказалось, что Дайк держит в руках какую-то нужную высшему сословию нить. Он мог отдать им ее, а мог и не отдать. И он сразу ощутил с забившимся сердцем, что ни за что не отдаст.

– Это из-за благотворительной больницы. – Дайк криво усмехнулся. – Теперь я дал себе слово никогда не делать ничего для тех, за счет чьих подачек я лечился...

Гвендис еще никогда не видела, чтобы Дайк говорил о чем-нибудь с чувством унижения, оскорбленной гордости.

– Там было так ужасно? – поняла Гвендис.

Дайк утвердительно кивнул.

– Пусть хоть раз нищий бродяга не даст им того, что они попросят. Пусть у них тоже будет не все, что они хотят, – добавил он.

Дайк умолк, в углах губ пролегли упрямые складки.

Потрясенная Гвендис коснулась его руки. До сих пор она присматривала за Дайком, как за ребенком. Ее обрадовало и одновременно встревожило, что у него, забывшего себя, тем не менее есть своя воля.

– Хорошо... – успокоила его Гвендис. – В конце концов, никому не известно, что именно тебе снится на самом деле. Если ты скажешь, что перестал видеть дорогу в Сатру, тебя никто не сможет заставить ее показать. Твоя память – не карта и не компас, Дайк, чтобы ими пользовались без твоего согласия. Только обещай мне не дразнить сьера Денела, что ты все знаешь, но не скажешь.

Под вечер садовник ушел домой. Дайк поднялся из сада наверх к Гвендис. Она сидела у камина с тяжелым целительским трактатом в руках.

– Гвендис, ты читаешь?

Она подняла голову:

– Хочешь поговорить?

– Нет... – Дайк чуть замялся. – Я хотел позвать тебя в сад. Там закат и... уже не такая чащоба, как раньше. Пойдем?

Гвендис улыбнулась. Она почувствовала, что в короткий срок Дайк привязался к саду и хочет, чтобы она посмотрела на изменения, в которые он вложил свой труд. Гвендис встала и накинула на плечи шаль. Дайк подал ей руку на лестнице. По-прежнему держась за руки, они вышли за порог.

По выложенной камнем дорожке Дайк повел Гвендис в глубину сада, в прореженное пространство между кустами одичавших роз и сирени, облетевших по осени. Над головой нависали тонкие сплетенные ветви вишен и слив.

– Я буду садовником у тебя, – весело сказал Дайк. – Здесь много места. Можно держать сад так, чтобы он цвел с самой весны и до поздней осени. Все цветы, кусты и деревья цветут в свой срок, вот и подобрать, чтобы, когда одни отцветут, распускались другие.

Дайк возился в саду целыми днями, а Гвендис сидела за книгами. Она продолжала и посещать окрестных больных.

Теперь Гвендис можно было перестать заниматься лекарским ремеслом, но она не хотела его бросать.

Дайк сам делал всю работу во дворе, колот дрова, носил воду, топил очаг. Гвендис готовила, ходила по лавкам, прибирала в нескольких комнатах (остальные так и остались нежилыми) и шила. Она сшила себе платье и пару новых рубашек Дайку.

Кровать Гвендис Дайк перенес обратно к ней в спальню, потому что камин теперь топился и там. Дайк уже меньше тяготился своими снами, хотя по-прежнему часто видел Сатру. Гвендис убеждала его:

– Тебя лишил памяти не сон. Ты сам сказал: сны появились потом, после всех бед, которые ты перенес. Как любой человек, ты наутро просыпаешься самим собой. Поэтому тебе нечего бояться. Попробуй думать о своих видениях иначе. Они дают тебе знания, которых нет ни у одного живущего в наши дни человека. Они уже помогли тебе найти удивительный драгоценный камень. Твои сны – странный, необычный, но все-таки дар. А если тебе приснится кошмар – я же тут, рядом. Я разбужу тебя, ты расскажешь мне сон и успокоишься.

Гвендис говорила с Дайком обо всем, что знала сама. Девушка втайне надеялась, что какая-нибудь мелочь из ее рассказов натолкнет Дайка на воспоминание о прошлой жизни.

Недавно сьер Денел упомянул о похожем на Дайка человеке по имени Гойдемир из Даргорода. Это навело Гвендис на мысль: Дайк не обязательно вард; высокий и светловолосый, он мог быть и северянином из даргородской земли, и даже хельдом. Хельды – мореходы из Хельдерики, с холодных берегов Хельдвика. А Дайка спасли из моря. Нужно проверить: пусть бы он услышал речь того или другого из этих народов, увидел их вещи, одежду. Есть растения, которые растут только на севере. Дайк говорил о северных ягодах и кустарниках. Здесь таких нет. Но о них Дайк знает из снов про родину Белгеста...

Гвендис жалела, что никогда не училась даргородскому наречию. Отец его не знал, и книг на нем Гвендис никогда не видела. А у хельдов, кажется, и вовсе нет книг. Отец считал эти края варварскими, дикими, глухими – что может дать образованному человеку знание таких языков? Девушке оставалось ждать, пока на рынок придет купеческий обоз из Даргорода.

Сьер Денел принадлежал к ордену орминитов. Небесным покровителем ордена считался первый король Анвардена Ормин, законодатель и просветитель вардов. Своим оружием и имуществом орминиты клялись поддерживать королей Анвардена и священное мироустройство.

Сьер Денел считал, что Дайк сделал свое дело: донес весть до того, кто в состоянии ею распорядиться. Теперь он, Денел, несет ответственность за дальнейшую судьбу предания о стране падших небожителей и о сокровищах, похищенных с неба.

Чудесный камень, находку Дайка, сьер Денел воспринимал как знамение. Высшая воля недаром лишила Дайка памяти: большинство людей в ясной памяти постарались бы утаить клад или использовать его в своих интересах, а Дайк исполнил роль орудия, хотя и тупого, но честного.

Теперь вардские рыцари должны отправиться на поиски небесных сокровищ небожителей, какую бы дорогу ни указал им этот бродяга-сновидец, чтобы сокровища Сатры были возвращены Вседержителю и возложены на алтари в его храмах.

С этими мыслями сьер Денел снова пришел в дом Гвендис для разговора с Дайком. Неожиданно Гвендис стала горячо упрашивать его оставить Дайка в покое и позволить ему жить своей жизнью. Сьер Денел строго объяснил ей, что ее подопечный – орудие высших сил.

– Как ты собираешься употребить свой дар? – спросил он стоящего перед ним Дайка.

– Никак, пока не узнаю, кто я, – коротко ответил тот.

Денел покривил губы:

– Ты хочешь получить денег за свое знание?

Дайк отрицательно мотнул головой:

– У меня уже все есть.

– Твой дар даст тебе возможность послужить государю.

Дайк только крепче сжал губы.

– Твой дар будет употреблен во славу Вседержителя.

Новое молчаливое отрицание.

Рыцарь короны встал с кресла возле камина и подошел к Дайку вплотную. Их глаза встретились.

– Почему же нет?

– Потому что я не знаю, кто я, – повторил Дайк. – Может быть, я бы никогда бы никому не сказал о Сатре, если бы я это знал. А может, наоборот... Я должен сперва понять, зачем я жил, что любил, ради чего рисковал в той жизни, чтобы в этой не стать врагом самому себе.

Сьер Денел внезапно повысил голос:

– Это так важно?! А если ты был ублюдком, морским разбойником, грязным мерзавцем? Ты такого высокого мнения о себе, что желаешь сохранить себе верность? Боишься по неведению пойти против самого себя – и ради этого готов зарыть в землю дар Создателя? Высоко же ты себя ставишь, парень. А у самого грязные руки.

Дайк внимательно осмотрел свои испаранные ладони.

– Это въелся сок от коры. Водой сразу не смоешь, только со временем сойдет.

– Ты ставишь себя самого выше того дара и предназначения, которое в себе несешь? – Глаза рыцаря гневно потемнели.

– По-твоему, то, что со мной случилось, – высшая воля, сьер Денел? Ну, что ж... Мне было очень тяжело, когда я болел, и еще хуже, когда стал считать себя сумасшедшим. И если кто-то сделал это со мной нарочно, я ему никогда не прощу без объяснений и вслепую не буду ему служить.

– Человек всегда служит Творцу вслепую, – оборвал его сьер Денел. – Уже потому, что смертные не могут постичь его мудрости.

– Я никогда не буду делать того, чего не понимаю, – возразил Дайк. – Ты говоришь о Вседержителе, который создал небожителей и людей. Если мы вправду созданы неспособными его понимать, то, стало быть, он не получит и моей службы.

Сьер Денел побледнел, меряя его взглядом.

– Советую не забывать, что бриллиант, за который ты имеешь теперь стол и кров, ты получил только благодаря своему особому дару. Придется отработывать, парень. Никуда не денешься: не захочешь добровольно – Создатель взыщет. У тебя очень мало выбора, дружок. Если будешь продолжать в том же духе, то, боюсь, все-таки кончишь жизнь под забором. Не шути с высшими силами: они могут и отнять дар. И тогда у тебя не будет ни своей, ни чужой памяти. Останешься ты полоумным Дайком, какому место в благотворительной больнице.

– Господин королевский рыцарь! – твердо перебила его Гвендис. – Я должна извиниться, что не успела раньше сказать... Может случиться, что Дайк – на самом деле Гойдемир, младший сын даргородского князя. Ты не должен говорить с ним, как с бродягой.

Сьер Денел обмер. Только мелькнуло в голове: «И *тот* Гойдемир тоже сказал: «Я из старинного рода».

Эту неожиданную новость Гвендис узнала совсем недавно.

Осень подходила к концу. Косо летели густые хлопья мокрого снега и, едва долетев до земли, начинали таять. На дороге стояли лужи, одна натекла у самой калитки. Ветви облетевших деревьев в саду поникли. Нижние окна дома заслоняли отсыревшие голые кусты палисадника.

Дом Гвендис весь скрипел и шатался, поэтому она недавно наняла плотника. Зимой у Дайка не было работы в саду. Он попросил Гвендис не говорить плотнику, что он сам – не наемный работник. Тот, как в свое время и садовник, думал, что Дайк – поденщик, взятый госпожой ему в помощь.

Дайк чувствовал себя увереннее оттого, что делал дело, и из его рук выходило что-то прочное, что можно пощупать. Они с плотником уже заканчивали починку лестницы, которая раньше так и плясала под ногами. Так же Дайка раньше радовал сад, теперь засыпанный

снегом. Гвендис с улыбкой думала: «Он сам нашел себе лечение. Дайк приручает наш дом. Он починил лестницу, перестелет половицы и почувствует, что все в его руках».

Утром на рынке Гвендис сказали, что прибыл торговый обоз из Даргорода. Она сейчас же вернулась домой за Дайком. Вместе они разыскали торговый ряд, где приезжие разложили товары: пушнину, мед, украшения и ткани... Бородатые купцы в длиннополой одежде на меху, одетые теплее, чем жители Анвардена, потому что пришли из холодных краев, важно ожидали покупателей. Дайк подошел к ближайшей лавке, глядя то на товар, то на чужие лица. Он сам не знал, что с ним будет, если память вдруг отзовется на что-нибудь и размотает перед ним весь клубок его прошлого. И тут же всплывала тоскливая мысль: «Нет, не вспомню, не одолею... Темно, как в омуте, в голове...»

Гвендис стала выбирать ткани. Она не только хотела дать Дайку время осмотреться, но и на самом деле собиралась купить материи.

Вдруг один из купцов, мельком бросивший взгляд на Дайка, разинул рот. Другие сгрудились, наперебой обращаясь к нему на своем тяжелом и звучном языке.

Дайк окаменел. Ему чудилось, он вдруг вообще позабыл человеческую речь. Переводя беспомощный взгляд с одного купца на другого, он видел лишь их шевелящиеся губы, выпускающие облачка пара в холодный осенний воздух.

– Он не понимает по-вашему, – вмешалась Гвендис, обращаясь к торговцам.

– Как же не понимает, когда он сам наш княжич Гойдемир?! – на наречии вардов ответил старший купец. – Что ты, княжич, молчишь? А у нас для тебя хорошие вести! Можешь ехать домой. Тебя уж год как простили!

– За что?.. – почти шепотом спросил Дайк.

– Как за что? – широко развел руками купец. – Вот тебе и раз!

Дайк потряс головой:

– Я не Гойдемир... Я не знаю, кто я.

– Он ничего не помнит после болезни, – встала Гвендис, взяв Дайка за локоть.

Ошеломленный бородач замолк. Внушительные, с обветренными с дороги щеками купцы начали сочувственно разглядывать Дайка. Он опустил голову и ссутулился, точно осужденный, который стыдится людских глаз.

Старший обернулся к Гвендис. На его широком добродушном лице читалось раскаяние.

– Беда! Может, и ошиблись. Посмотришь – будто бы он... А будто и не он!

– Ведь с тех пор шесть лет минуло, – подсказал ему товарищ. – За такие сроки меняется человек. Как его узнаешь, когда он сам себя не узнаёт?

– Мать бы узнала. Любимый сын был у княгини, – добавил третий.

Дайк снова поднял голову и обводил даргородцев беспокойным взглядом.

– Пойдем, Гвендис, – вдруг нетерпеливо попросил он.

– Сейчас, идем, – подтвердила она и быстро попрощалась с купцами.

Те в своих меховых полушубках все переглядывались и ахали по-своему им вслед, сочувственно и как-то хлопотливо взмахивая руками и мотая бородами.

Гвендис привела Дайка домой: он шел, как во сне, и чуть не прошел мимо калитки.

Это было похоже не на разгадку, а скорее на новую загадку в судьбе Дайка.

– Если он Гойдемир, почему он тогда знает наш язык, но не помнит своего родного? – спросил сьер Денел.

Гвендис на правах лекаря о многом расспрашивала Дайка. Он рассказывал ей, что, отлеживаясь в хижине спасшего его рыбака, сперва вовсе не говорил ни слова. Понемногу Дайк начал повторять за хозяйкой, которая ухаживала за ним. Долгое время и сама Гвендис

замечала, что Дайку трудно выражать свои мысли. Девушка-лекарь ответила Денелу то, что казалось ей самым возможным:

– Если Дайк до болезни знал язык вардов, после болезни он скоро заговорил на нем, просто потому что все время слышал его вокруг.

Дайк не вмешивался в разговор, с нахмуренным лицом прислушиваясь к объяснениям. Гвендис продолжала:

– Дайк может быстро научиться всему, что знал раньше, и стать таким, как был. Если он родом из Даргорода и вернется домой, он начнет вспоминать все, что делал в прошлом.

– Почему он тогда не сумел взять в руки меч? Ведь я пытался проверить, привычно ли для него оружие! – возразил сьер Денел. – Неужто княжич не держал в руках клинка!

Гвендис ответила:

– Дайк не сумел взять меч, как не смог сразу начать говорить в хижине у рыбака... – И добавила, высказывая заветную мысль, вычитанную из лекарственных трактатов: – Но если бы Дайк испугался или рассердился, если бы он сам захотел тебя ударить, сьер Денел, его руки могли бы вспомнить, как это делается.

«Судьба этого парня все запутанней, – сдвинув брови, рассуждал рыцарь. – Может, он и в самом деле сын государя из далекого Даргорода. А вдруг купцы обознались? Кто не хотел бы, не имев ничего, получить разом все – дом, семью, власть и богатство? Что, если Дайк теперь осмелится „вспомнить“ то, чего на самом деле с ним никогда не было?..»

– Госпожа Гвендис. Я вижу, ты до сих не наняла никакой прислуги, сама ходишь на рынок. Боюсь, я должен просить тебя потерпеть еще немного. Я не хочу, чтобы через прислугу вышел наружу слух про даргородского княжича и вообще про все странности Дайка. Если тебе нужен домашний слуга, я пришлю тебе своего, он не станет болтать. Я уже говорил, что мы становимся соучастниками какой-то тайны.

– Мне ничего не нужно, сьер Денел, – поспешно заверила Гвендис. – Я не хочу видеть посторонних людей, даже если это прислуга.

Сьер Денел нахмурился.

– Хорошо. На этом я прощаюсь, госпожа Гвендис, не откажи проводить меня до двери. Они вдвоем вышли на лестницу. Сьер Денел в раздумье проговорил:

– Все не так просто, госпожа Гвендис. Возможно, Дайк – княжич Гойдемир. Но одновременно он безумный человек, который кажется мне не таким смирным, как на первый взгляд. Будет лучше, госпожа Гвендис, если в доме станет ночевать мужчина, который готов тебя защитить. Я хочу прислать своего оруженосца: это скромный и смелый юноша...

– Сьер Денел! – перебила Гвендис. – Я ценю твою заботу. Но Дайк и так боится самого себя! Если он узнает, что ко мне приставили сторожа... Нет, я этого не допущу.

Сьер Денел вздохнул. Он видел, Гвендис считает себя «мужчиной» в собственном доме, хозяйкой самой себе. Она слишком привыкла жить по-своему. Пока они втроем связаны общей тайной, это хорошо. Но вообще для девушки в этом нет ничего хорошего... Сьер Денел ощущал невольное сочувствие ее судьбе: Гвендис ему все сильнее нравилась.

С этих пор королевский рыцарь стал часто бывать у нее в доме, чтобы убедиться в ее безопасности.

Когда он ушел, Дайк сказал Гвендис:

– Я хочу знать, в чем был виноват этот Гойдемир. За что его простили? Не могу больше ждать. Сейчас пойду к обозникам спрошу.

Гвендис подняла на него беспокойный взгляд:

– Сходить с тобой?

Дайк чуть улыбнулся:

– Я сам. Не надо тебе идти, скоро стемнеет. Вернусь – все расскажу.

– Хорошо, Дайк. – Гвендис кивнула. – Я закроюсь. Когда вернешься – постучи. Не лягу, пока ты не придешь.

В ответ на эти слова Дайк вдруг улыбнулся широко и открыто, молча сделал утвердительный жест и пошел на лестницу. Только у двери обернулся:

– Счастливо, Гвендис! Скоро приду!

Чтобы скоротать время, она села за шитье. Это занятие у Гвендис не переводилось, потому что ни у Дайка, ни у нее еще толком не было хорошей запасной одежды. А вдруг Дайку придется ехать в Даргород? Гвендис грустно улыбнулась. Ткань хоть куда, она сошьет не хуже, чем можно купить...

Свечи сильно оплыли: Дайка не было долго. Гвендис еще не боялась за него. Ведь купцам нужно рассказать ему длинную историю. Дайк не помнит ни обычаев Даргорода, ни быта. Ему все придется объяснять.

«А если они ошиблись?» Дайк слушает рассказ о беспокойной судьбе этого Гойдемира (была бы его судьба спокойной, купцы не говорили бы: «Тебя простили, можешь ехать домой»)... Каково примерять на себя чужую судьбу: вдруг моя? С чем Дайк вернется назад: с желанием, чтобы этого с ним никогда не было, или с предчувствием, что Даргород – его родина?..

Гвендис несколько раз вставала, смотрела в окно, выходившее на фасад дома, но темная улица была пуста, падал мокрый снег. Наконец хлопнула калитка. Гвендис схватила свечу и побежала вниз. Отворив дверь, она увидела промокшего Дайка. Снег таял на его волосах.

– Ну что? – Она взяла его за руки. – Тебе холодно. Пойдем скорее, потом расскажешь.

Гвендис пошла впереди наверх. Тяжелый подсвечник Гвендис несла в левой руке, а правой поддерживала высокую, недавно заправленную свечу. Идя следом, Дайк смотрел на ее плечи в темной шали и венком уложенную вокруг головы светлую косу: в свете свечи коса стала точно белого золота.

Часть II

Дайк не мог судить, что в рассказах даргородских купцов правда, а что просто байки, каких, должно быть, немало ходило в народе о княжиче Гойдемире.

Веледар и Гойдемир были братья-погодки. Старшему Веледару суждено носить даргородский венец. Младшему – как придется.

Их отец все силы кладет на укрепление в Даргороде единой власти. Самодержавие и неизменный вовеки, поддержанный церковью уклад – вот чего он хочет добиться. А препятствие на этом пути – сильный, буйный даргородский народ, за прежние века привыкший совсем к другому укладу.

Пока старший брат служит отцу как даргородский воевода, младшему дана воля...

В ту пору Гойдемир ездил на охоту, бывало, сиживал в кабаках, а бывало, молился в храме даргородской небожительнице Ярвенне, заводил дружбу с простонародьем и участвовал в любых игрищах и состязаниях, которые заставал.

В деревне Лесная Чаша он появлялся чаще всего. Но там не девушка у него завелась, а старик-знахарь, от которого княжич перенимал совсем не те истины, что перенял бы от молодой красавицы.

– Кулак, княжич, – палица простого человека. Это ты всегда при мече. А мы и с голыми руками... Бьешь ты без ума: все с плеча. Добьешься, что сухожилия себе порвешь. – Старик пощупал Гойдемиру плечо, показывая, где именно порвутся сухожилия. – Стой на месте, дай я тебя чуток толкну.

От толчка в грудь Гойдемир оступился и взмахнул руками, чтобы не упасть.

– Ну вот, вот! – высоким голосом воскликнул старик. – Ты посмотри, сколько в тебе весу, а сколько во мне, – и что с тобой сделалось? Не сила нужна, а хлест.

Старый бобыль по кличке Волчий Хвост, сам бывалый боец, в молодости не раз ходил в «стенку» с соседними селами, показал себя и на Даргородских игрищах, где наравне с княжеской дружиной состязалось простонародье.

– Сам увидишь, княжич, погасит твой отец светоч Даргорода, – с безнадежностью говорил он Гойдемиру.

Тот понимал, что за «светоч»: сила народа. Исконно дружина даргородских князей была невелика. В случае войны поднималось народное ополчение, поэтому простые люди хранили у себя в домах боевое снаряжение, а в обычаях держалось немало воинских праздников, состязаний и игрищ.

Опора на ополчение была помехой для княжеских завоеваний: ополчение без особого задора шло драться на чужой земле. Больше того, даргородскому князю всегда самому приходилось помнить страх перед народом. Хорошую смуту дружине было не сдержать. Самый лихой князь должен был править с оглядкой, чтобы у его пахарей не переполнилась чаша терпения.

Этот расклад попытался изменить князь Войсвет. Он задумал по примеру западных королей набрать постоянное войско, запретить простонародью не только носить, но и хранить оружие и упразднить многие игрища и состязания в деревнях. Гойдемир с детства слышал, как отец говорит: «Не попушу, чтобы князь терпел узду от холопов. Я за свою власть дам ответ перед своей совестью и Вседержителем: ему, а не черни, судить, где от меня было благо, а где зло. Как хотят, а слушать себя я людей заставлю!»

– Быть нам, Гойдемир, как стадо овец, – дребезжащим голосом жаловался худощавый, пепельно-седой старик. – Разучатся люди за себя стоять. Сильная власть и слабый народ – вот где начало всем бедам. Я тебя еще научу биться, а там все забудется. Не только доспехи

у нас князь Войсвет отобрал, он ратный дух из нас вырвал. Наше дело теперь только его кормить, а уж он нам будет пастух с дружиной-собаками.

Старик не боялся говорить этого Гойдемиру. Что младший княжич – чистое сердце, знал всякий, доноса от него не жди.

– А ты хороший плясун – ну и боец будешь хороший, – перевел он речь на Гойдемира, похлопав его ладонью по широкой груди. – Разницы-то немного. Пожалуй, княжич, на солнцеворот приходи к нам на игрища. Только язык держи за зубами.

– Где ты был, брат?

– На охоту ездил, – лукаво улыбнулся Гойдемир.

– А кто же скулу тебе разбил?

– Да в кабаке отдохнуть остановился.

Братья сидели друг против друга за дубовым столом. Между ними стояло угощение: солонина и кувшин пива. В просторной горнице никого больше не было.

Услыхав ответ Гойдемира, Веледар покачал головой:

– А делом тебе не хочется заняться, брат?

Гойдемир поморщился:

– Какое дело, брат?

– Когда мне придет черед надеть княжеский венец, тебе быть бы у меня воеводой, – произнес Веледар.

Гойдемир усмехнулся, опустил голову, потом снова посмотрел на брата:

– Велишь – буду. Ты старший.

У Гойдемира только начинала пробиваться борода, у Веледара уже оброс подбородок. Но оба были похожи: два молодых богатыря со светло-русой гривой, почти такими же светлыми бровями, с серо-голубыми глазами и крепкими скулами.

– А без веления ты мне служить не хочешь? – тяжело уронил Веледар. – Мне со временем нужен будет верный человек, а кто вернее брата? И тебе не всю жизнь по полям зайцев гонять и в кабаках с девками обниматься...

Гойдемир отхлебнул пива из украшенной резьбой кружки и ответил о другом:

– Откуда-то, брат, у нас роскошь стала заводиться. Как я одет, а как ты. Зачем отец поборы увеличивает? В тереме ковры восточные, драгоценное оружие, меха. Твое зеркало сияет, как у небожителя, и все в золотой насечке, колчан изукрашен камнями, уздечка у лошади самоцветами горит. Князь за стол – чужеземные яства, везде шелк да бархат. К чему это? Так у нас прежде не было заведено.

Он сам был в льняной рубашке, а брат – в расшитом кафтане из тонкого сукна, охваченном изукрашенной опояской.

Веледар шевельнул бровью.

– Ты, брат, уж не завидуешь ли? – И махнул рукой. – Не понимаешь ты, Гойдемир... Отец делает все, чтобы Даргород стал великой державой. Думаешь, дорог мне этот кафтан? Мне дорого, что никто не скажет больше, будто даргородские князья – деревенщины и ходят в отрепьях. Ты не понимаешь, Гойдемир, что мы с отцом делаем сейчас, – повторил он. – Наши предки не знали роскоши, потому что не смели возвышаться над простонародьем. Народ был слишком силен, а князья слишком слабы. Теперь мы должны показать другим державам, что и мы – властелины, не слабее других. Я хочу, чтобы Даргород стал великим. А для этого есть один путь: чтобы у нас, как в Анвардене, князь был единственной защитой и спасением народу, а не наоборот.

– Пастухом... – с тихим упреком сказал Гойдемир. – Чем тебе Даргород прежде не был великим? Никакого соседа мы не боялись, потому что кто рискнет против народной войны? Торговали мы не меньше. А Даргород был богаче – не приходилось содержать ваше боль-

шое войско и вашу чужеземную роскошь. Не верю, будто величие Даргорода в том, чтобы вардский король вас с отцом не назвал деревенщиной. Зачем Даргороду другое признание, кроме того, что у нас есть пушнина и мед и зерно для торговли, а завоевать нас не сможет ни один король?

Веледар молча до дна осушил свою кружку и шмякнул ее на стол.

– Уж не в кабаках ли ты этого наслушался?

Гойдемир пожал плечами:

– А хоть бы и там. А может, мне на охоте сорока протрещала.

Веледар сурово нахмурился:

– Ты бы меньше слушал всяких сорок, Гойдемир. Вот я не знал, что у нас Даргородом любой нищевод управлять готов, а ты и слушаешь!

– Сам видишь: что из меня за воевода и преданный тебе человек?

– Это верно... – Веледар помолчал. – Что ж, счастливо гонять зайцев по полям, брат. Вижу, ничего путного из тебя не выйдет.

Гойдемир заглянул в покой матери Ладиславы. Здесь всегда тихо, летом прохладно, а зимой тепло. Выходящие в сад окна открыты, и ветер шевелит вышитыми занавесками.

На дощатом полу перед лавкой – узорный мягкий ковер из Этерана. Дубовые лавки, сундуки, на столе лежит закрытая книга на наречии вардов. Княгиня учена и знает языки.

– А где матушка? – спросил Гойдемир заглянувшую в покой служанку.

– Сейчас позову, она в девичьей вышивки смотрит, – ответила та.

Гойдемир постоял посреди покоя, который помнил с раннего детства. На столе блюдо с яблоками. По стенам вышитые полотна и образы небожительницы Ярвенны. В народе Ярвенну звали «даргородской хозяйкой». Ей был посвящен собор на Старой площади. Вседержитель ниспослал ее старинному северному княжеству, чтобы передавала здесь его волю, творила чудеса и благословляла славные начинания.

Вот изображение Ярвенны Путеводительницы – светлая фигура на темном. В высоко поднятой правой руке – светильник, и сама вся в сиянии. Народ верит, что если такой образ положить умершему в гроб, то Ярвенна Путеводительница «выведет» душу на небо и спасет от мрака Подземья.

Вот Ярвенна Созидательница. По преданию, когда возводился Даргород, небожительница явилась и благословила первый камень в основании крепостной стены. Ярвенна на этом образе простирает руки в сторону строителей и тогдашнего молодого князя.

Созидательнице молились при закладке новых зданий, а женщины – и просто так, чтобы она помогла обустроить дом.

Ярвенна Наставница со свитком в левой руке. Ярвенна Целительница над ложем больного. Гойдемир улыбнулся: на этом образе Ярвенна особенно напоминала ему мать. Ему иногда так и казалось, что он смотрит на изображение молодой Ладиславы. Выражение лица – милое, ласковое, спокойное. Но в широко открытых серых глазах – мудрая твердость. Голова не покрыта, гладкие, ниже плеч, зачесанные назад светлые волосы переливаются в сиянии, которое излучает небесная вестница. «Славься, даргородская хозяйка», – поклонился образам Гойдемир и сел на лавку за стол, открыл книгу...

* * *

Княгиня вошла в покой – прямая, в синем платье до полу. Лицо ее начало увядать, появились морщины, темно-серые глаза с каждым годом казались все больше, а щеки впадали; в светлых волосах, заплетенных в косу, поблескивала седина. Тонкий серебряный обруч украл голову. Ладиславе сказали, что пришел Гойдемир.

Гойдемира князь, словно в уступку за старшего сына, оставил матери. Однажды, навещая жену, он даже сказал об этом вслух. «Смотри, Ладислава, – произнес князь Войсвет. – Младший – бездельник, от рук отбился, ни на какое дело не годен. Пока гуляет и бьется на кулаках, я его не трону. Но будет что хуже – смотри!» Сердце Ладиславы сжалось от тревоги, но она ответила твердо: «Оставь его в покое. Веледар все дальше уходит от меня, ты готовишь его быть тебе сменой – а второго моего сына не трогай. Он твоим делам не мешает».

Когда в покой вошла мать, Гойдемир встал, но она сейчас же усадила его на лавку.

– Вот яблок поешь, а сейчас прикажу подать пирогов.

Но Гойдемир удержал ее, взяв обе ее руки:

– Подожди... Ты что-то побледнела, нет, матушка? Много сидишь над книгами и над рукодельем. Давай уж пойдем с тобой в сад гулять. Я теперь не скоро из дома отлучусь. Совесть заела. Как подумаю, что ты тут одна... Хочешь, матушка, я тебе перепелку поймаю? Сколько их в поле возле старого ветряка!

Княгиня засмеялась, прижала к груди голову сына.

– Пусть бегают перепелка в траве, не тронь ее, даргородский сокол.

– Ладно, – сказал Гойдемир, не отстраняясь. – А что мне делать? Не знаю... Так бы хоть перепелку ловил... Нет мне места в Даргороде, матушка. Только бездельничать, да пить, да верхом скакать. Или в воеводы метить после брата, когда он сам княжить будет. Так уж лучше по мне быть дураком безобидным, чем с отцом и с Веледаром гнести народ и укреплять под собой престол.

Княгиня молча гладила волосы сына, не отпуская его от себя.

– Да, не надо тебе быть с ними... Ты прав, лучше безобидным...

Гойдемир тяжело вздохнул, но вдруг тихо хмыкнул, высвободился из рук матери:

– Выходит, я тебе жаловаться пришел? Ну, нет. Пойдем в сад, матушка? Дай яблоко.

Княгиня подошла к блюду с яблоками, переложив несколько, выбирая лучшее. Оно было бледно-желтым, точно налитое медом под кожурой. Мать подала яблоко Гойдемиру. Чудилось, от спелости оно даже чуть светится изнутри. Когда Гойдемир взял яблоко в руку, на его широкую ладонь будто бы лег слабый золотистый блик.

Вскоре князь Войтверд ополчился и против народной веры. На этот раз князь начал с собственной семьи.

– Вот что, – сказал он жене, придя на женскую половину. – Сама ты с детства веруешь, как простолюдинка, и Гойдемира приучила.

Ладислава удивленно подняла на мужа настороженные большие глаза.

– Никогда ты плохого о моей вере не говорил. Что-то новое у тебя на уме?

– Чьими образами у тебя все стены завешаны?

– Так и сам знаешь чьими, – пожала плечами Ладислава. – Даргородской хозяйки, Ярвенны.

– Вот потому и говорят о нас в мире, что мы – дикари, не Творцу, а простой его вестнице поклоняемся, – сказал Войсвет. – Небожительница Ярвенна пусть славится, только у нас ради нее Вседержителя забыли. Чуть что: оборони, хозяйка, защити, хозяйка! Про Творца только по особым праздникам вспоминают. Получается, у нас не единый бог, а мы себе новую богиню-женщину сделали. И ты ей все кланяешься, как деревенская баба, и сын за тобой!

– И так держишь меня взаперти, хоть веру мою оставь в покое! – не стерпела княгиня. – Да и народа веру лучше не трогай, Войсвет. Не иди с народом на разрыв, – вырвалось у нее.

– Ты понимаешь, что говоришь? – сурово нахмурился Войсвет. – Я бьюсь за то, чтобы даргородские князья отныне правили державой по собственной совести и без страха, а ты меня учишь с чернью считаться!

Настроенный искоренить суеверие князь Войсвет приказал строго ограничить почитание Ярвенны и запретил справлять народные праздники, связанные с ее именем, но возникшие как земледельческие или семейные обряды.

Гойдемир, по-прежнему часто бывавший в Лесной Чаше и окрестных деревнях, слышал, что кое-где княжеская дружина разгоняла игрища в честь Ярвенны, и князя Войсвета в ту пору, несмотря на поддержку церкви, впервые стали называть нечестивцем. Осенью, когда стоячая вода уже начинает покрываться паутиной льда, началась смута.

Сам Гойдемир в то время был дома, в своем покое, просторном и пахнущем не жильем, а деревом, из которого он был сделан: Гойдемир редко жил у себя подолгу, и здесь не устоялось никаких жилых запахов. По его попущению углы давно бы затянула паутина, но мать сама присматривала за покоем сына.

При вести о смуте Гойдемир угрюмо заперся у себя. Он не хотел выходить, мерил шагами пол, не пускал никого прибраться и приказывал принести себе браги. Тем временем первое выступление даргородцев было подавлено окрепшим за последние годы княжеским войском. Но сам бунт еще не захлебнулся в крови, как раздался крик: «Венец – Гойдемиру!»

Князь Войсвет не принял всерьез призывания бунтовщиками младшего княжича, который до сих пор был больше всего замечен в бабьем поклонении Ярвенне, скачках за зайцами по полям и слабости к пенной бражке. Узнав, что Гойдемир заперся и никого не пускает к себе, Войсвет махнул рукой: ясно, забился в угол и выйдет, только когда кончится дело.

Побег Гойдемира стал громом среди ясного неба. Князь узнал – и сказал внезапно осипшим голосом: «Ударил в спину... изменник!» Ему вдруг увиделось во всем прежнем не озорство, а тайный расчет. Вот почему младший по кабакам шатался! Почему его никогда не было на глазах... Стало быть, у него на уме была своя затея. Пока князь укреплял престол, Гойдемир тайком мутил воду, чтобы его призвали на княжение! Отвел отцу глаза – да и всадил нож...

– Не верится мне, отец, – возразил Веледар. – Дурак он: с отчаяния, из оскорбленного честолюбия кинулся за лакомым куском. Ручаюсь, ничего Гойдемир заранее не подготовил. Так, что-то в голову ему ударило – он и сбежал.

Князь нахмурился так, что весь лоб покрылся сеткой морщин.

– Ты воевода: разбей крамольника Гойдемира и приведи ко мне.

А на женской половине не находила себе места княгиня. Сделав Гойдемира своим избранником, чернь подводила его под княжескую опалу. Ладислава боялась, что сыну придется держать ответ за дерзость против отца, в которой он неповинен. Она подолгу стояла перед образом Ярвенны, беззвучно прося: «Защити, хозяйка!»

Битва между двумя братьями состоялась под Даргородом спустя трое суток. Брат-воевода недооценил брата-мятежника. Он не знал, сколько у Гойдемира людей, а тот был осведомлен о силе княжеского войска. Гойдемир прикинулся, что народу у него меньше, чем есть, и Веледар не усомнился в этом – нанес удар и погнался за отступающей в беспорядке толпой, но угодил в засаду, словно очутился между жерновов. Гойдемир разбил брата: Веледар сам чуть не попал в плен.

Старший вернулся в Даргород, униженный неудачей и понимая яснее прежнего: им с Гойдемиром не уйти от братоубийства.

А у матери обоих братьев с первых дней словно пропасть разверзлась под ногами. Когда Веледар уехал с войском, Ладислава день и ночь металась по своему покою, изредка без сил садясь за стол и кладя голову на руки. Слез у нее уже почти не было. Княгиня в ужасе ждала, что Веледар привезет пленного Гойдемира, и ей останется только умолять мужа сохранить ему жизнь. Она ждала суда над ним, как собственной казни.

Когда Ладислава услышала, что Гойдемир не только не дал привести себя пленного, но и сам чуть не пленил брата, она в глубине души вздохнула с облегчением. Все-таки живы пока оба!

Гойдемир жив, и просто так его не возьмешь... Он со своим бунтарским войском стоит под Даргородом. От Гойдемира явился посланник: худощавый пепельно-седой старик, который с насмешкой отжившего свое человека глядел на схвативших его дружинников. Княжич писал отцу: «Я встал не против тебя и брата, а между смутой и вами». Он просил у князя милости для зачинщиков и позволения людям свободно почитать хозяйку Ярвенну, которая есть светлая небожительница и вестница самого Вседержителя. Вдобавок Гойдемир требовал всего лишь отмены некоторых поборов.

«Сделай, отец, как я прошу, пока я еще стою между даргородцами и тобой, – писал Гойдемир. – Кто знает: может, другого раза не будет...»

Но в ответ он получил суровый отказ. Гойдемир понял, что князь надеется укрепить свою власть победой над бунтовщиками и готов пожертвовать младшим сыном.

К Войсвету пришла жена Ладислава и, глядя на него сухими глазами, умоляла о пощаде для Гойдемира. Князь с тяжелым вздохом покачал головой: нет. Ладислава ушла, опустив плечи, и бродила по своим покоям, как призрак. «Тяжело... – думал Войсвет, охватив ладонью седеющую бороду. – Но избавиться от него надо сейчас, пока он бунтовщик, пока есть повод...»

Пользуясь тем, что Гойдемир не начинает сражения, князь Войсвет послал гонцов за подмогой в Гронск. Вскоре Гойдемир отступил от Даргорода: до него долетел слух о подходе гронцев. Теперь у него вскипело сердце на отца, который ввязал соседей в войну против собственного народа.

Гойдемиру сыграло на руку умение даргородского простонародья драться на своей земле. Он еще не подоспел к границам, а приграничные с Гронском деревни уже сами ушли в леса. Гронцы разозлили их, начав грабежи, и поэтому где ни проходил Гойдемир – его войско увеличивалось: небольшой отряд из попутного села, горсточка – с ближайшего хутора...

Наконец князь Войсвет получил весть, что гронская конница разбита и повернула назад, не дойдя до Даргорода. Сам Войсвет боялся покинуть укрепленный город, зная, что и его дружине теперь тоже придется столкнуться с умелой народной войной.

...Княгиня тихо сидела на краю скамьи. Гойдемир чуть хмурил брови во сне, и его лицо казалось усталым и замкнутым, рот был плотно закрыт. Оцарапанная полусжатая рука лежала на одеяле.

Гойдемир вернулся домой, но вернулся не пленником. Он все-таки добился мира с отцом. Князь Войсвет принял условия сына и призвал в свидетельницы договора Ярвенну и Вседержителя. Гойдемир утихомирил мятежников и распустил их по домам.

С княжеского двора он теперь не выходил. Не отец держал Гойдемира взаперти. Княжич сам бывал только у матери, изредка виделся и с братом. Он сказал, что болен. В дни смуты, рыща по лесам и болотам, Гойдемир и вправду застудил грудь. Неопытный воевода, он извел себя усердием, с которым следил за порядком в войске и лично вел людей, назначая себя самого в каждое опасное и трудное дело. Это не надломило его крепкого здоровья всерьез. В другой раз Гойдемир не обратил бы внимания на недомогание и легко перенес бы его на ногах. Но теперь он сказался больным, пил травяные отвары и жаловался матери на слабость.

С трудом пережив радость от его возвращения, не упрекнув его ни словом, Ладислава ни о чем не спрашивала Гойдемира. Княгиня чувствовала, что болен он не столько телом, сколько душой. Хорошо ему было только в ее покоях, уют которых знаком ему с детства и

дает утешение. За полдень Гойдемир пришел посидеть с матерью, а потом признался, что хочет спать.

– Ложись, я тебе на лавке постелю, – сказала она и открыла сундук с постелью. – А сама посижу, почитаю. Никто сюда не войдет, не помешает тебе.

Когда Гойдемир уснул, мать поправила на нем одеяло и с тяжелой книгой на коленях тихо присела рядом. «Жив, со мной, – повторяла она про себя. – Время излечит и сердце. Лишь бы больше не грянула гроза».

Но гроза все же не миновала. Спустя небольшой срок в покой к Гойдемиру для разговора заглянул брат. Тот в нижней рубашке сидел за столом. Горница Гойдемира теперь не казалась такой запустелой, как прежде, когда он подолгу не жила дома. Одежда была брошена, где попало, на столе стояла чашка сбитня, от которой пахло медом и мятой. Перед изображением Ярвенны лежал пучок совсем увядших, сухих цветов. Медвежья шкура на полу была сдвинута так, что видно: Гойдемир споткнулся об нее и не поправил.

Веледар уронил:

– Здравствуй, брат.

Он пришел с плохой вестью. У князя Войсвета побывали послы из Гронска – Гойдемир не слышал об этом, сидя взаперти.

– Они требуют твоей казни, Гойдемир, – произнес Веледар. – Пал сын гронского воеводы. Гронцы считают вероломством со стороны Даргорода, что мы звали их на подмогу против тебя, ты их разбил, а нынче мирно живешь в княжеском тереме. Им, говорят, похмелье в чужом пиру.

Веледар бросил на брата выжидающий взгляд. Гойдемир спокойно встретился с ним безрадостными глазами.

– И как теперь со мной быть?..

Веледар опустил голову.

– Мы с отцом поклялись Ярвенной не делать тебе вреда. Отец ответил, что теперь ты под покровительством даргородской хозяйки. Но гронцы требуют твоей выдачи. Они не клялись, им ничто не мешает отправить тебя на плаху.

Гойдемир молчал.

– Придется тебя выдать, – продолжал старший брат. – Но слушай. – Веледар понизил голос и заговорил торопливее: – Верить ты мне или нет? Когда тебя повезут, смотри в оба: до Гронска ты не доедешь. Тебе помогут бежать, передадут от меня золото и оружие – и лети на все четыре стороны. Положи руку на сердце, Гойдемир: в Даргороде тебе все равно не жизнь. Может быть, на чужбине приживешься. За мать не бойся: это от нее не секрет. Предупредим ее потихоньку, что на казнь тебя везут только для вида.

Дайк понимал, что судьба «добротного княжича» – уже почти предание. Вон и купцы якобы знают о тайном разговоре с глазу на глаз двух братьев! Как разошелся слух? Может, люди Веледара, которые подстроили младшему княжичу побег, потом рассказали кое-кому правду. Или вовсе не было этого разговора: Гойдемир изловчился и бежал, а молва сама помирила двух братьев, словно протестуя против братоубийства?

Историю даргородского княжича Дайк рассказал Гвендис на другой день. В тишине библиотеки, теплой и обжитой, в старом кресле темного дерева он весь вечер повторял для нее то, что ему рассказали обозники.

Подняв на Гвендис тяжелый взгляд, Дайк прибавил:

– Надеюсь только, что Гойдемир – не я. Я не боюсь... Просто не знаю, как надо быть княжичем Гойдемиром. Он, видно, сильно любил свой народ, а для меня Даргород – чужая земля. У Гойдемира была своя правда, он за нее стоял, как умел, а у меня своей нет...

Ярвенна была только одной из вестниц, просветительницей Даргорода. Дайк понимал, что почитание ее народом превышает самого Вседержителя – и вправду язычество. Зачем же княжич Гойдемир заступался за исконное для даргородского простонародья поклонение «пресветлой и дивной Ярвенне», раз она похожа скорее на хозяйку-мать, которой молился Белгест, чем на Создателя мира, всемогущее и всеведущее божество?

В доме Гвендис Дайк по-прежнему жил в библиотеке. Поздно вечером он зажег свечу и сел к столу, подперев голову руками. Может, своей верой княжич Гойдемир просто хотел угодить народу? Но ведь сьер Денел рассказал, как даже в чужом краю, на постоялом дворе за запертой дверью он зажигал осенний огонь Ярвенны!

Даргородские обозники подарили Дайку образок. «Возьми, если ты впрямь наш княжич – Ярвенна тебя исцелит». Дайк выложил его перед собой на стол, взгляделся. Молодая женщина с серыми глазами, светловолосая, и косы уложены венцом вокруг головы, как носит Гвендис. Ее облекает сияние.

У Дайка сдавило сердце. Обожествление Ярвенны было человечно, даже если на самом деле она не была божеством. Это было почитание матери, почитание любви. Она хранит семьи, жалеет путников, дружит с девушками-невестами, которые украшают весной «Ярвеннино дерево», она может понять зрелых женщин, стариков и детей.

Всемогущий Вседержитель в силах сделать все, что захочет, – и он допускает страдания людей. Дайк помнил: послушники в благотворительной больнице произносили это с многозначительным видом и прибавляли – «ради нашего блага». Вседержитель сотворил Подземную Тюрьму. Он может спасти всех – но не спасает никого, кроме угодных ему. У него свое, непонятное людям понимание добра и зла, которому можно только подчиняться, но против которого в каждом живом человеке кричит душа: неправда!

Ярвенна не всемогуща. Глаза у нее на образке печальные. Она не госпожа, не небесная королева. Ярвенна не отвечает за зло в этом мире, и у нее нет ни одного средства ни заставить людей слушаться, ни наказать. И ее не в чем упрекнуть. Никто не скажет: это Ярвенна тебе послала болезнь. Ее любят лишь за то, что она мать, целительница, сестра, жена.

Дайк вздохнул и взял образок в ладони. Посмотрев на Даргородскую хозяйку еще немного, он надел на шею Ярвеннин образок.

Случалось, Гвендис по утрам, взяв с собой холстину и лекарства, уходила к окрестным больным. Сьер Денел заехал раньше полудня и не застал ее дома. Дайк отворил ему калитку. Плотник нынче отпросился по семейным делам. Дайк продолжал без него перестилать пол в сенях. Там были сложены доски, а в волосах Дайка запуталась пара щепок.

– Доброе утро, сьер рыцарь Денел!

– Здравствуй, Дайк. Поднимешься со мной в библиотеку?

Они оба прошли наверх.

Гвендис не сказала рыцарю, что княжич Гойдемир возглавил народную смуту. Она уверяла, что ничего не знает о причинах, заставивших княжича покинуть родину. Гвендис сказала только, что написала письмо матери Гойдемира и отправила с купеческим обозом в надежде, что мать отыщет способ узнать и вернуть своего сына.

Огонь в библиотеке не горел, на столе у камина рядом с начищенным подсвечником лежал тяжелый том в тисненном кожаном переплете. Сьер Денел замечал: рассохшийся старый дом с каждым днем становится все более уютным с тех пор, как хозяйка перестала нуждаться в деньгах. Гвендис, однако, не приобрела ни одной дорогой вещи.

Дождаясь, пока она придет, сьер Денел исподволь внимательно разглядывал Дайка. Тот теперь не стоял перед рыцарем, а сидел, сложив на коленях тяжелые, по-прежнему исцарапанные ладони. Дайк не заметил, что деревянная дощечка на шнурке с изображением Ярвенны выскользнула у него из-за воротника. Сьер Денел изумленно пригляделся:

– Что это у тебя, Дайк?

– Это премудрая Ярвенна, – ответил тот, смутившись и убирая образок под рубашку. Брови сьера Денела быстро сошлись.

– Не рано ли ты поклоняешься даргородской деве? Уж не вернулась ли к тебе память, раз ты присвоил суеверие Гойдемира?

Голову Дайка охватил жар.

– Ярвенна – не одному Гойдемиру путеводительница, – сумрачно уронил он. – Я думал о ней, и я понял, почему Гойдемир ее чтит. Эта вера несет в себе добро. Народ Даргорода вложил в нее все лучшее, что есть в нем самом. Ярвенна – целительница, заступница, мать...

Сьер Денел прервал его:

– Да это дикарство, убожество! Пренебрегать Вседержителем, всемогущим, непостижимым, всемогущим Творцом всего и поклоняться его служанке. Делать себе богиню из женщины! В этом есть что-то... нечестивое, неприличное. Благородному человеку подобают отношения с божеством, как с королем, с господином, воле которого он послушен и за которого готов умереть. Цепляться за материну юбку – удел простолюдыня. И мать, и сестра, и чуть ли не возлюбленная – вот кто твой бог! Хотел бы я знать, что на самом деле чувствует молящийся, когда любит такую вот красавицу...

Разгневанный сьер Денел протянул руку и снова вытащил у него из-за воротника на свет образок Ярвенны.

– Погляди на нее! И признайся честно, Дайк, почему ты предпочитаешь своему Отцу и Господину эту воображаемую любовницу?

Дайк схватил его за запястье, кровь прилила к лицу, точно на него плеснули кипятком.

– Ну, за такие слова... надобно нам с тобой биться, – сдавленно произнес он.

Сьер Денел тоже вспылал:

– А стоишь ли ты, чтобы я вышел с тобой на поединок? Мы не знаем, княжич ли ты по рождению, а по рассуждению – так и вовсе суеверный простолюдин.

– А это не поединок, – мрачней еще сильнее, проговорил Дайк. – Это просто драка.

– Ну, ладно, – сквозь зубы ответил сьер Денел. – Не я это начал. Идем в сад, получишь свою трепку.

Дайк покачал головой:

– У нас раньше поединка не хваляться.

«У нас!» – отдалось у него в душе. Где «у нас»? В Даргороде?..

С забывшимся сердцем Дайк вышел вслед за рыцарем в сад. Сьер Денел в посеребренном чешуйчатом панцире и плаще, сколотом на плече, видел, что Дайк – в одной рубашке, но не стал его останавливать. Он собирался только проучить Дайка, а не драться с ним всерьез.

– Дело за малым, у тебя нет меча, – хмыкнул сьер Денел. – Ты можешь найти две крепкие палки?

Дайк, не чувствуя легкого мороза, стоял перед ним, и даже ворот рубашки у него все еще был распахнут. Он кивнул: «Сейчас» – и пошел за дом: там в начале осени они с садовником сложили лишние подпорки для яблонь. Дайк вернулся с двумя ровными сухими палками, которые топором сровнял по удобной длине. Сьер Денел одобритительно кивнул: то, что надо.

Дайк принял неуклюжую стойку со своей палкой, стараясь вызвать перед глазами образ небожителя Дасавы и подражать ему. Рыцарь глядел на его старания с небрежной улыбкой. «А, ну и ладно, – подумал Дайк. – Одной силой возьму: ее мне не занимать». Он крепче сжал дубинку и, когда сьер Денел подал знак начинать, послушно размахнулся.

Вначале Дайк сгоряча не замечал пропущенных ударов. Уклоняясь от своего неумелого противника, сьер Денел расчетливо бил его палкой, нарочно не пользуясь случаем оглушить или выбить из рук дубинку и разом все прекратить. Дайк должен был сперва получить урок.

Сьер Денел ударил его под колени и заставил упасть на четвереньки. Дайк ошеломленно потряс головой. Он тяжело дышал.

Дайк поднялся, но рыцарю, похоже, надоела эта игра. Он перехватил дубинку обеими руками. Дайк, похолодев, понял, что получит удар в висок... отчаянно вскинул руку, подставив предплечье под предплечье самого сьера Денела, и направил удар мимо...

Варда повело от силы собственного замаха. Дайк сам опустил дубинку ему на затылок. Теперь сьер Денел осел на колени и тут же снова вскочил, развернувшись к неприятелю.

Его палка скользнул низко, так, что конец был направлен Дайку в живот. Тот, пропустив ее мимо себя, отклонил удар снизу вверх и, когда промахнувшийся сьер Денел сблизился с ним вплотную, подбил ногой его ногу. Рыцарь рухнул навзничь.

Дайк словно прозрел: он начал понимать, чего ему ждть от противника и что делать самому. Зато теперь сьер Денел не мог взять в толк, что произошло. Его неловкий соперник вдруг начал мастерски обороняться, а потом перешел в наступление так искусно и яростно, точно за него дрался кто-то другой.

Сьер Денел просто потерялся и даже не заметил того удара, который снова сбил его с ног. На этот раз рыцарь пришел в себя только через какое-то время и, слегка приподнявшись с припорошенной снегом земли, ощутил, что за эти мгновения замерз и ослабел. Стоящий над ним Дайк держал в каждой руке по дубинке: и свою, и его...

Сьер Денел ушел, не дождаввшись возвращения Гвендис. Нынешняя стычка неприятно напомнила ему первую встречу с Гойдемиром в гавани. Теперь сьеру Денелу стало казаться, что Дайк, пожалуй, и впрямь даргородский княжич.

Это значит, Гойдемир вернется на родину и расскажет отцу и брату про Сатру. А что взбредет в голову этим варварам-северянам, заранее не угадать никому. Вдруг они сами отыщут страну небожителей? Привезут оттуда реликвии – разбазарят или свалят в кучу в княжеском хранилище и забудут. А еще хуже, если отдадут сокровища в свои храмы, объявят миру о подвиге даргородских витязей, о том, что они посвящают своей Эрвенн богатства, взятые падшими небожителями с небес... С Дайка-то это станется, недаром он уже носит дощечку с изображением Эрвенн на груди.

Но сьер Денел был связан клятвой, которую дал Гвендис перед тем, как она показала ему драгоценный камень. Молодой рыцарь обещал сохранить ее историю в тайне при условии, что Дайк не приобрел самоцвет незаконным путем. Клятва молодого орминита продолжала действовать, как ни запутывалась нынешняя судьба Дайка. Парень откровенно рассказал о том, как камень попал к нему в руки, сьер Денел не поймал его на лжи и не мог ни в чем обвинить.

При дворе сьер Денел слышал разговоры насчет возможного введения закона о наказании за духовные преступления: «Представления, желания и цели человека во многом порочны и неразумны, поэтому следует в начале приучить людей к добру, отвратив их от зла, а затем уже принимать во внимания их свободы». Денел сам был одним из немногочисленных пока сторонников нового закона.

Он думал: «Если бы за духовные преступления человек у нас мог предстать перед судом, Дайк в конце концов докатился бы и до каторги. Чего стоят уже его слова, что он не прощает Вседержителю своих бед! Так он возьмет на себя дерзость спорить и о справедливости миропорядка. Насколько правильнее было бы, если бы за эти преступные мысли человека можно было просто лишиться свободы и заставить понести какие-то труды и тяготы, чтобы он одумался и вновь прибег к Творцу».

Но пока этот закон не был принят, Денел не мог нарушить клятву и рассказать своему лорду в ордене ничего, что узнал от Гвендис и Дайка.

В это время Дайк, умываясь во дворе у бочки с водой, все не мог успокоиться. Его руки умели то, чего не умел он сам! Он только что сражался за дивную и премудрую Ярвенну! Дайк сунул голову в бочку, которая стояла под водостоком, и выпрямился только тогда, когда стал задыхаться. С волос за ворот потекли ему холодные ручейки. Дайк кинулся к брошенной наземь палке, подобрал и стал рассекать ею воздух. В его теле продолжало жить умение, которое принадлежало не ему теперешнему: что-то от того, кем он был раньше, еще несколько лет назад... Или от давно сгнувшегося с лица земли Дасава Санейяти?

Скрипнула калитка. Вошла Гвендис, закутанная в теплый синий плащ, из-под которого виднелись полы серого платья. Увидев Дайка, Гвендис тихо ахнула: на дорожке, в одной рубашке, он сражался палкой с невидимым противником, задевая ветви вишен.

– Что случилось, Дайк?! Что с тобой? – она кинулась к нему, не зная, что и думать.

Дайк услышал оклик, обернулся навстречу ей и опустил палку.

– Рыцарь Денел мне кое-что показал... И я вспомнил, как надо. – Он медленно отер рукой лоб.

– Ты вспомнил? Что ты вспомнил?! – торопила Гвендис.

– Я раньше умел биться на мече, – сказал Дайк. – Не знаю, чья это память...

– Я же говорила! – вырвалось у Гвендис. – Видишь, ты можешь вспомнить то, что умел раньше. – Она взяла его за руку. – Пойдем скорее в дом, тебе надо переодеться. Какой ветер, ты простудишься! И откуда у тебя эти ссадины на лице?

В доме Гвендис налила ему горячего травяного чая, заставила греться у камина и сама села напротив с чашкой. Дайк рассказывал ей про поединок. Он немного чувствовал себя провинившимся, но невольно улыбался при мысли, что теперь Гвендис знает, как он смог постоять за Ярвенну – значит смог бы и за нее.

В эту ночь Дайку опять снился Дасава Санейяти.

Небожитель Дасава лежал без сна на деревянной лавке в доме Белгеста. Снаружи доносился скрип елей и крики сов – так близко лес подходил к поселению. Иногда возле дома начинала лаять собака.

Дасава встрепенулся и сел на лавке. Ему захотелось выбежать во двор, за частокол, и кинуться прочь из поселения людей. «Что я здесь делаю? В этом тесном, низком, деревянном жилище? Я давал им кормить себя, одевать, стал носить дикарские амулеты... Я осквернен... Нет, надо уходить. Нужно забыть их. Сердце Дасавасатры должно лечь в здешнюю землю».

Рано утром Дасава попрощался с семьей Белгеста. Белгест с луком за плечами пошел с ним проводником. Он легко провел небожителя через болото. А еще через несколько дней Дасава стал узнавать окрестности, в начале похода нанесенные им на карту. Он боялся, что Белгест выведет его слишком близко к стоянке, где условились ждать друг друга разведчики-небожители. Белгест горел любопытством посмотреть на племя Дасава. Тот с трудом его отговорил:

– Белгест, к нам нельзя чужому.

– Даже с тобой? – простодушно недоумевал тот.

– Да, и со мной. У нас такой обычай.

Против обычая парень не возразил.

Они простились у прозрачного ручья в сосновом подлеске. Дасава вспомнил заветы Сатры о том, что люди – скверна и что он должен без зазрения совести убивать любого человека как представителя падшей расы от присутствия которой нужно очистить Обитаемый мир.

– Счастливого пути, Деслав!

– Погоди, Белгест, – неровно дыша, ответил Дасава. – Погоди... Вот это тебе.

Он снял с головы шлем с восемью сходящимися к вершине золотыми полосами.

– Белгест, поклянись самым дорогим, что, если в твои края придет война, ты будешь в моем шлеме. Это... да, такой оберег. – Дасава запнулся. – Он спасет тебе жизнь, обещаю. Поклянись, что ты пойдешь в бой в моем шлеме!

Белгест встревоженно и удивленно рассматривал чужую железную шапку.

– Какая война, Деслав? У нас мирные соседи.

– Ты поклянешься мне или нет?! – вдруг крикнул на него небожитель с таким нетерпением и болью, что Белгест замолк и ответил:

– Клянусь матерью-землей, что в бой пойду в твоём шлеме.

Смущенный Дасава сам надел шлем на его русые волосы:

– Вот так. Ну, прощай.

– Приходи снова, Деслав. Если долго не промешкаешь, может, тебя кто-нибудь и будет еще ждать. – Он лукаво улыбнулся.

Дасава подумал: «Вельта?..» Они наконец распрощались, и высокий охотник в железном шлеме и меховой куртке растаял среди деревьев.

Через два месяца, когда наступила осень, Дасава Санейяти с уцелевшими из сотни разведчиков воинами нашел подходящую для строительства Дасавасатры равнину и опустил «сердце Сатры» в землю на опушке леса. Этот лес будет вырублен и выжжен, племена охотников вроде Белгеста – убиты или согнаны строить Стену, а потом все равно убиты. Драгоценный камень с небес освятит землю новой Сатры.

Но Дасава думал, что сумеет спасти Белгеста. А быть может, и Вельту. Он даст им уйти в чащобы, дальше на север, куда еще не скоро придут воины Сатры, и они успеют там прожить до конца свою короткую человеческую жизнь.

Подаренный Вельтой оберег Дасава выбросил по дороге – все равно он не мог сохранить его, не признавшись, что жил среди людей и был осквернен.

Поздней весной войско небожителей вышло в поход. Лес и кустарник покрывала светло-зеленая дымка – совсем недавно распустились листья. Сотенные начальники собрались в шатре Дасава. Он стоял перед ними в начищенном до блеска, украшенном гравировкой и чеканкой зеркале – тирес, основатель нового царства. «Передайте этот приказ всем. Если в бою кто увидит человека в моем шлеме, не убивайте его, а доставьте ко мне живым».

Сотенные в знак согласия наклонили головы, хотя и были удивлены. Но как они могли в походе послушаться будущего царя Дасавасатры? Один Дасава был в ответе за свой приказ.

Но когда Дасава их отпустил, полог шатра откинул старший священнослужитель в белом и золотом. В делах очищения Дасава подчинился ему. «Что за приказ ты отдал, тирес, – щадить тварей скверны?» – взыскательно спросил он. Будущий царь тревожно посмотрел на жреца: «Ведь людей можно использовать на работах. Этого человека я хочу видеть на строительстве. Я приказал взять его живым...»

...Дайк рассказывал Гвендис свой новый сон, глядя в огонь очага – точно так же, как любой, сидящий у камина, непременно начинает смотреть в огонь.

– А на самом деле Дасава хотел его отпустить, правда, Дайк? – перебила, поежившись, Гвендис.

Тот кивнул:

– Да... Белгеста, у которого только что перебили весь род, приволокли бы в крови и в цепях. Дасава стоял бы перед человеком, как вождь захватчиков. Жизнь, свобода Белгеста оказались бы наградой за то, что он вытащил небожителя из трясины, а другие люди остались бы по-прежнему говорящим скотом, который гонят на бойню или на работы. Сама видишь, Гвендис... Дасава хотел, но не смог бы спасти Белгеста. Дасава только думал, что сможет. На самом деле Белгест не простил бы гибели рода Оленя, не смирился бы с постройкой Дасавасатры. А небожителю и во сне не привиделось бы заступиться вообще за всех

людей, а не только за одного или за двоих. И вчерашние друзья не поняли бы друг друга. Если бы Дасава успел полюбить Вельту – кто знает, тогда бы, может...

Гвендис растерянно спросила:

– Неужели Дасава сам не подумал об этом?

Дайк признался:

– В моих снах – нет. Он смотрел на все не так, как ты и я. Он привык смотреть на людей, как небожитель. Само собой, Дасава ожидал, что Белгест будет оплакивать род Оленя. Но для Дасава все равно главное было – «хочу я сам его гибели или хочу подарить ему жизнь?»

Дайк рассказывал дальше.

Замысел Дасава не удался, но не потому, что Белгеста приволокли к нему на цепи. Дасава просчитался еще раньше. Жрец, узнавший о его приказе пощадить какого-то особенного человека, был возмущен.

«Мы противостоим скверне через подчинение своей жизни очищению, тирес, – строго напомнил он. – Гордость и своеволие лежат в корне всякого противления и бунта, и мы видим их последствия с самого начала, когда наш предок Ависма ослушался Вседержителя. Оставься смиренным, тирес Дасава, или тебя смирят. Твое желание выходит за пределы дозволенного и подает дурной пример остальным».

В наказание за заботу о судьбе человека и чтобы оградить войско от дурного влияния военачальника, священнослужитель приказал Дасава сложить свои обязанности и возвращаться в Бисмасатру.

* * *

На низком столике с изогнутыми ножками лежало несколько тяжелых старинных книг. Гвендис день за днем все усерднее изучала случаи забвения больными своего прошлого.

– Ученые-целители сделали много описаний того, как люди неожиданно теряли память, – рассказывала она.

Тяжелые ладони Дайка лежали на темного дерева ручках кресла, он ловил каждое слово девушки-лекаря.

– Я слышала, некоторые звери, если попадутся лапой в капкан, отгрызают сами себе эту лапу, чтобы остаться в живых. То же иногда делается с человеческой памятью. Бывали случаи, у человека выпадали из памяти какие-то невыносимые страдания – именно те дни, месяцы, даже годы, когда он их перенес. Другие забывали все. Третьи начинали вспоминать что-то такое, чего с ними никогда не было... Некоторые ученые-лекари объясняют это только тем, что мы, сами не подозревая об этом, запоминаем много случайных слухов, свои выдумки и мечты. Некоторые предлагают другие объяснения.

Я думаю, Дайк, с тобой случилось что-то страшное, и твой разум сам запретил себе любые воспоминания, – продолжала Гвендис. – Разбудить их могло бы что-нибудь такое же страшное, большое напряжение всех сил. Как тогда, когда вы со съером Денелом устроили бой, и ты вспомнил, что сам умел драться. Или, наоборот, что-то очень-очень радостное. Может быть, когда ты вернешься в Даргород и увидишь свою семью, это вдруг пробудит у тебя какие-нибудь воспоминания. Но это счастливая случайность. Так бывает, когда забудешь какое-то место в книге и открываешь наугад: помнишь только, что это написано справа вверху или слева внизу страницы... Ты должен быть готов, что тебе придется снова мысленно вернуться в прошлое и пережить дни, когда тебя носило по морю, в ледяной воде, – и, может быть, не менее страшные дни перед этим. Лучше, если это произойдет не внезапно, когда ты сам меньше всего ждешь, а понемногу, шаг за шагом.

Гвендис рассказала Дайку, как собирается его лечить. Этот способ она придумала сама, но опираясь на множество случаев, вычитанных ею в трудах целителей.

Для восстановления памяти в трактатах советовали применять лекарственные средства, которые улучшают кровообращение. Лекари знали, что кровообращение связано с ясностью ума. Кроме того, Гвендис умела готовить отвар на основе вытяжки из дикого корня, усиливающий работу мозга. Еще ее отец пил этот отвар, когда должен был на всю ночь отправляться к больному. После приема этого средства человек ощущает необычайный подъем, который сменяется истощением. Но у Дайка будет время отдохнуть и восстановить силы. К тому же первая порция будет небольшой, чтобы проверить, как средство подействует.

Во флигеле, кроме кухни, был чуланчик с окном, где она сама приготавливала лекарства и хранила составляющие для них. Стены там были увешаны образцами трав, которые собрал ее отец, на полке стояли флаконы с вытяжками и настоями.

Повязав волосы косынкой, Гвендис достала с высокой полки связку растений. Дайк смотрел, как в тусклом свете чуланчика она взяла доску, нож и села перед узким столом.

– Вот он, дикий корень, – сказала она, взяв двумя пальцами сухую метелку. – На самом деле в ход идет не только корень, но и стебель, и венчик. Но сам корень, конечно, хранит больше всего возбуждающего вещества... – Она оторвала похожий на паука корень растения. – Если его жевать, можно не спать и не есть несколько суток, работать не переставая. Человеку кажется, что он очень силен и готов свернуть горы. Но это обман. Дикий корень не придает новых сил, а использует силы самого человека, просто сжигает их все за один раз. А потом человек внезапно слабеет, наступает истощение. Поэтому дикий корень жевать опасно. Кто к этому пристрастится, долго не проживет. А вот вытяжка из него довольно безвредна, по крайней мере если сердце здоровое. Но злоупотреблять тоже не надо, – говорила Гвендис, нарезая корень и стебель растения.

– Дейявада... – Дайк нахмурился, припоминая. – Небожители Сатры тоже знали это растение. А где оно растет?

– Просто в лесу, – ответила Гвендис. – Не на каждом шагу, но часто попадается. Хорошо, что не все знают его свойства, думают – обычная трава.

Теперь Дайк должен был попытаться пройти до конца всю цепь своих видений о Сатре. Может быть, тогда он вспомнит и то, из-за чего они возникли? Исчерпав чужие воспоминания, увидит наконец и мгновение, которое связало с Сатрой его самого? Увидит, кем он был и как попал в открытое море неподалеку от берегов Анвардена?

Тогда Дайк сможет судить и сам, правильно ли говорит съер Денел, что память о Сатре вложена ему высшими силами, и обязанность Дайка теперь – служить этим даром Господину всего сущего, Вседержителю?

«То, что со мной случилось, – высшая воля? – думал Дайк, и перед его глазами вставали благотворительная больница и страх безумия. – Если кто-то сделал это со мной нарочно, то он мучитель и палач».

Гвендис оставила его одного в полутемном покое. Окна были закрыты ставнями. Дайк сосредоточенно вызывал в себе связанные с Сатрой воспоминания. От питья, которое готовила для него Гвендис, тишины и полумрака мысли делались четкими, образы – яркими, и сосредоточиться становилось легко. Вдруг Дайк начинал чувствовать свежий ветер, слышать шелест травы. Он больше не сидел в четырех стенах – вокруг дышал сумрачный дремучий лес. Что-то подсказывало Дайку: это воспоминания Белгеста, человека из рода Оленя.

...Дайк почувствовал легкое прикосновение Гвендис к плечу и открыл глаза. Гвендис осторожно вывела его из сосредоточенного напряжения.

– Пора отдохнуть. Ты устанешь, если сразу будешь вспоминать слишком много. Завтра попробуем еще раз. Теперь – укрепляющий отвар, а потом поешь: тебе нужны силы.

– Я докопаюсь до сути, – все еще с отсутствующим взглядом, но уже в ясном сознании обещал Дайк.

* * *

...Белгест проснулся в беседке, которая заросла желтыми цветами дрока. Он не знал, что это за место, куда его занесло.

Белгест прожил тут с неделю – в забытой уже безопасности. Он долго скитался в поисках убежища. Белгест был болен, уже давно и привычно, и так ослабел, что рана, полученная еще три месяца назад, никак не хотела заживать. Он сплел из лозы вершу, и нередко ему случалось наловить рыбы в озере. Охотиться было не с чем: тетива на луке порвалась, а из чего сделаешь новую? В ножнах оставался обломок меча. Не выбросил: пригодится в хозяйстве. Пригодился: выкапывать съедобные корешки, которые Белгест знал с детства.

Он сберег шлем Деслава. Деслав из рода Санейяти сказал: «Поклянись, что ты пойдешь в бой в моем шлеме! Он спасет тебе жизнь, я обещаю». Так и случилось. Когда мужчины и даже молодые женщины из рода Оленя вышли на битву против чужаков, одетых в железную одежду, они все полегли, и только Белгест пришел в себя ночью на месте побоища. От удара шлем слетел с его головы, но парень был так тяжело оглушен, что его приняли за мертвеца: и не добились, и не забрали в плен.

Белгест стащил тела родичей в овраг, прикрыл хвостостом и травой. Засыпав, как сумел, неглубокую общую могилу, он разложил возле нее костер в знак короткой тризны по умершим, тихо спел погребальную песню и ушел.

С той поры Белгест днем и ночью охотился на пришельцев-врагов. Парень начинал понимать, что если бы род Оленя не вышел на открытую битву, надеясь прогнать чужаков со своей земли и поскорее зажить мирно, а развязал бы долгую войну из лесных укрытий, то не сгинул бы так зазря. Оружием Белгеста стала тихо летящая стрела, быстрый нож, умело расставленная ловушка. Он насылал на стоянку врага лесной пожар, подпаливал недавно возведенный пришельцами мост через реку, ставил ловушки.

Он три года воевал один против целой державы, и небожители уже знали о человеке, который преследует их. Они пытались травить его верхом, со сворами собак, но Белгест прятался на болотах.

Понемногу он сам обессилел от бесконечной войны, на ногах перенес несколько ран, зимой то и дело бывал на грани смерти от холода и от голода. Тогда Белгест покинул родные края.

Он решил идти на запад, найти своего друга Деслава и попросить убежища у него.

После многих дней пути дорогу Белгесту преградила заросшая плющом стена. Парень изумился: кто мог построить в лесу высокую стену? Но за ней лежал его путь на запад, в края, где живет Деслав. Ночью с помощью одного только ножа, рискуя сорваться вниз и разбиться, Белгест поднялся на стену. И что же? За ней тоже был лес – и ничего больше... Белгест спустился и – настороже – двинулся дальше...

Вскоре ему заслонили проход бесконечные заросли шиповника. Белгест прорвался через них, исцарапав руки и лицо, изорвав одежду. Обойти кусты было негде: они тянулись так же бесконечно, как и стена.

Вот тут-то он и оказался в заколдованном кругу, в чудесном месте, где, похоже, не было никакой опасности: ни хищного зверя, ни двуногого врага. Белгесту не попадались ни возделанное поле, ни жилье, и точно зачарованный он или не мог, или не хотел выйти из этого места – блуждал по кругу.

Он наткнулся на беседку – странное жилье, такого он никогда еще не видел: без двери, с тонкими стенами, а внутри нет очага, лишь лавки да стол. Белгест изумился и обошел вокруг. Все заросло медуницей и дроком, и ни сарая, ни огорода. В доме никаких вещей.

Белгест решил дождаться хозяев, но они не пришли даже на ночлег. Тогда Белгест стал здесь жить сам. Он спал на лавке, пил из ручья рядом, кормился тем, что удавалось добыть в округе.

Белгест не знал, что этот сад – владения царевны Йосенны, дочери царя Бисмы.

Она любила гулять по заросшим дорожкам то на рассвете, то на закате, то во время полной луны. Бисма считал Йосенну самым большим сокровищем своего царства. По его приказанию царевна не должна была показываться за пределы насаженного для нее обширного сада. Сад был окружен живой оградой из кустов шиповника.

Так царь Бисма берег свою дочь, боясь, как бы ее не коснулась никакая случайно проникающая скверна. Как Бисмасатра была огорожена стеной от мира, так и сад Йосенны был огорожен запретом.

Однажды теплым вечером, еще до восхода луны, Белгест пошел к озеру и разделся, чтобы вымыться, прежде чем возвращаться в свое загадочное жилище.

С распущенными волосами, с тонким золотым обручем на голове Йосенна пришла в свой сад. На ней было платье из серо-голубой ткани, с вышитым серебром круглым вырезом. В озерных зарослях царевна услышала шорох и плеск. Она подумала, что это олень пришел напиться воды. Йосенна захотела посмотреть на него. Она пробралась в заросли ивняка, где темно-зеленые листья наполовину скрывали ее.

Белгест забрел в озеро так, что вода доставала ему чуть ниже пояса, и умывался песком и илом, которые зачерпывал со дна. Белгест отдохнул, выздоровел. Он наклонился, разворачивал стан, и каждое напряжение мышц было исполнено гибкой и быстрой силы. Он растирал илом грудь и живот, заводил руку за спину, чтобы сыпнуть влажного песка, и эти движения напоминали борьбу с невидимкой, в которой участвовал каждый мускул.

«Это один из тех, кого зовут земнородными, порождение леса или озера!» – любясь, подумала Йосенна. От разведчиков, от своего родича Дасавы она слышала о них. Земнородные дети мира считались зараженными скверной даже более чем люди.

Но здесь, на земле Бисмасатры, а особенно в саду Йосенны – откуда здесь взяться скверне? Чистая земля рождает травы и деревья, которые считаются чистыми. И звери, и птицы в лесу, и скот на лугах – чисты, небожителям можно их есть, к ним можно прикасаться. Значит, дубровник, родившийся здесь, тоже не может быть нечист.

Вряд ли так же красивы, как он, существа, которые рождаются в брэнном мире, где все лежит в тлени и убожестве и над всем нависла тень смерти. А сад Йосенны породил чистое существо... Наверно, дубровник появился в рощах царевны, потому что здесь так уединенно и никого не бывает.

Что же с ним теперь делать? Говорят, они зимой засыпают... Йосенна, затаив дыхание, смотрела из ивняка на дубровника, как смотрела бы на забежавшего в ее сад оленя.

Чтобы лучше видеть, она чуть отвела гибкую ветку.

Белгест услышал едва слышный шелест, насторожился. Ему почудилось, из прибрежных зарослей за ним наблюдает лесовица. До сих пор Белгест не видел их тут. У него не было ленты, чтобы повязать на куст для здешней хозяйки: пусть возьмет и вплетет себе в волосы. Но чуть дальше от берега росли белые кувшинки. Если нет ленты, лесовица охотно возьмет в дар и цветы. Белгест бесшумно бросился в воду и вынырнул среди кувшинок. Собрав несколько цветков, он легко подплыл к берегу и, не выходя из воды, умело сплел их в венок.

Прячась в камышах, Белгест скользнул туда, где лежала его одежда, и поспешно натянул холщовые штаны, которые ниже колен уже истрепались в лохмотья. Он не стал одеваться полностью, торопясь, пока лесовица не исчезла.

Бесшумно ступая босыми ногами, он подошел к зарослям, где затаилась хозяйка этого заброшенного места. Вот колышется на песке тень от ивы, хотя нет ветра, – значит она еще здесь. Белгест решил повесить венок на ветвь. Но заросли расступились, и лесовица в серо-голубом платье вышла навстречу.

«Сама показалась! – обрадовался Белгест. – Добрый знак».

Он подошел совсем близко и сказал:

– Вот тебе дар от меня, хозяйка.

Вблизи Белгест разглядел вышивку по вороту лесовицы и удивился: они не вышивают своих платьев! Лесной человек поклонился, положил венок к ее ногам и отступил на несколько шагов, смотря за лесовицей – как она сейчас примет дар и исчезнет.

Та гибким движением нагнулась, коснувшись песка одним коленом, тонкими пальцами бережно взяла венок и, улыбаясь, надела себе на светлые, легкие волосы, на которых уже желтел обруч. На волосах заблестели капли воды от мокрых кувшинок.

Только когда Белгест надел всю свою одежду, Йосенна стала догадываться, что перед ней человек. Он натянул на себя оборванную рубаху грубой серой ткани и косматую накидку из звериной шкуры. Царевна знала, что так и выглядит человеческая одежда. Но как смел один из людей проникнуть в Бисмасатру, где его ждет неминуемая смерть?

Белгест стоял в нескольких шагах и любовался Йосенной открыто и просто. Лесовица была для него то же, что птица, цветущий шиповник или рябиновая гроздь: он мог смотреть на нее, сколько хотел, пока лесовица сама не уйдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.